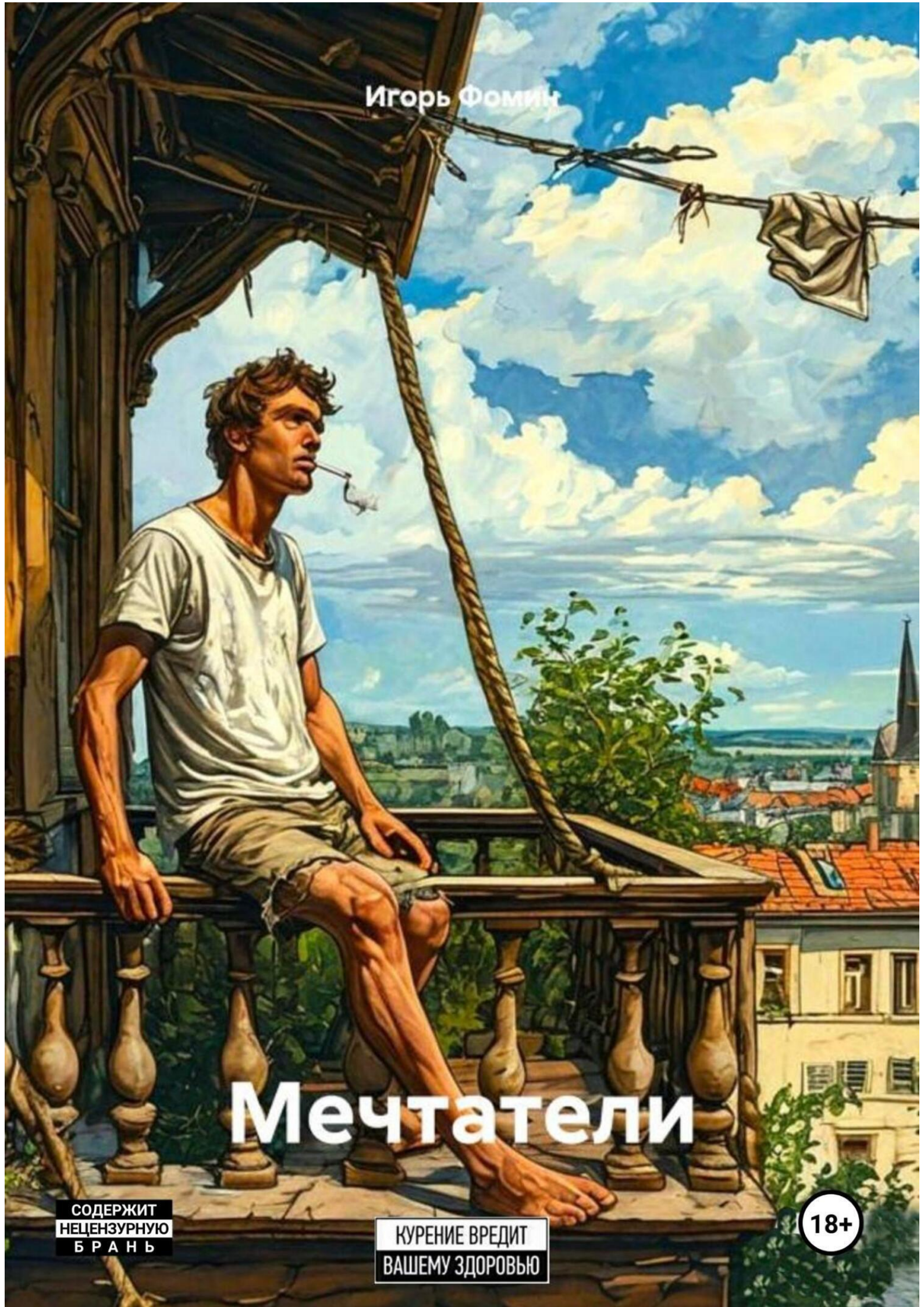

Игорь Фомин

Мечтатели

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

КУРЕНИЕ ВРЕДИТ
ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ

18+

Игорь Фомин

Мечтатели

«Автор»

2021

Фомин И.

Мечтатели / И. Фомин — «Автор», 2021

ISBN 978-5-532-03375-7

Место действия - современная Россия. Герои книги - обычные люди из провинции, тот самый "глубинный народ". Жизнь, как она есть: от смешного до трагичного, от подлого до великого...

ISBN 978-5-532-03375-7

© Фомин И., 2021

© Автор, 2021

Содержание

СЕРЁГА-РОЗЕНБАУМ	5
НОЧНОЙ ГОСТЬ	18
ДАЧНИКИ	28
ПРАЗДНИК	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Игорь Фомин

Мечтатели

СЕРЁГА-РОЗЕНБАУМ

«Сбавай, чё-нибудь!» – просили пацаны во дворе, когда Серёга топал с гитарой, поздним вечером из колледжа. Отказывать местной шпане было чревато. Все уже «на стакане», кое-кто поигрывал ножичком. Приходилось уважить требовательную публику, охочую до шансона. Измотанный после многочасовых репетиций Серега устало брал в руки «шестиструнку», и весело спрашивал:

– «Владимирский централ» или «Дембельскую»?

Одной песни, как всегда, было мало. Далее начинался концерт по заявкам аудитории. На шум гитары подтягивались алкаши с окрестных лавочек. Серегу обступала толпа с характерным запахом. Рассаживались кто-куда.

– А вот эту ещё знаешь, ну эту... – наперебой атаковали Серегу, едва он заканчивал последний куплет. – «Голуби летят над нашей зоной»... «Сбивая черным сапогом»... «Жиган-лимон»...

Бывало, запевали всем хором, особенно какую-нибудь «душевную».

– Выйду ночью в поле с конём... – жалостливо тянула орава в ночном полумраке.

Такие «солнышки» происходили у Сереги почти каждую неделю. Порой концерт прерывался «стражами правопорядка», которые вразвалочку вываливали из «бобика» и начинали шманать братву по полной программе. Случалось, всю честную компанию охаживали дубинками – за чей-то пьяный базар или косой взгляд. Несколько раз Серегу увозили в отделение – «до кучи» с остальными. Уже в самом ОВД начинался новый разбор полетов – с толком, с чувством, с расстановкой. Пьяные менты рвали струны, ломали гитару, впрочем, кому-то из дворовой ватаги везло ещё меньше – тем уже ломали ребра и челюсти.

Дружба со шпаной, чего скрывать, льстила Сереге, хотя и требовала некоторого напряжения нервов и сил. Но это, так сказать, издержки популярности. Назвался груздем – полезай в кузовок. Хочешь быть «народным артистом», будь добр иногда «выходить в массы», выпивать и закусывать, с этим самым, народом. «Розенбаум» – такая кликуха приклеилась к нему во дворе с чьей-то легкой руки.

Вообще, Серега был солистом одной из бесчисленных рок-групп, которые, как грибы после дождя, стали возникать в 90-ые годы. Серегина рок-группа образовалась в техникуме из музыкантов-любителей, непризнанных, пока, гениев. Первым делом они обмыли дешевым портвейном свой «амбициозный проект» и в тот же вечер совместными усилиями родили крикливое название – «Дети перестройки».

Репетировали в подсобке, под лестницей, пока директор колледжа, Георгий Францевич, не одобрил проект, следуя духу времени.

– Ребята, кончайте по подвалам скитаться! Чай, не брежневские времена – сейчас за ваш рок никто не будет шпынять. Выходите из катакомб! – заявил он.

После этого барского «одобрямс», новоиспеченная группа «на белом коне» перебралась в актовЫй зал, клятвенно заверив руководство не устраивать «попойки» в стенах альма-матер. Через месяц-другой они стали давать концерты для своих же однокашников. Впрочем, первые выступления проходили достаточно вяло. Публика, мягко говоря, не принимала собственные песни группы, и требовала чего позабористее: что-нибудь из «Сектора Газа», «Кино», «ДДТ», «Алисы»... Группа быстро утратила свою идентичность, и стала банально перепевать

чужие хиты. Зато и народу на концертах прибавилось в разы. Они стали местными «хоями» и «цоями», всю пользуясь плодами успеха, особенно когда дело касалось сексапильных поклонниц.

– Все девочки-наши! – хвастали «гении» друг перед другом.

Шли годы... Серега закончил колледж и устроился на литейный завод. Его группа к тому времени благополучно развалилась – «звезды», под бременем славы, не смогли ужиться в одном коллективе. Каждый считал себя особенным, таким Куртом Кобейном, и за спиной высмеивал других участников «проекта». В один прекрасный вечер «Дети перестройки», сдобренные хорошей порцией водки «Nemiroff», разругались вдрызг. Серега не жалел об этом «недоразумении», и надеялся создать на предприятии «настоящую группу», которая будет выступать на престижных фестивалях.

Серега устроился менеджером в общий отдел. Работа была ему по-душе. Он, наряду с двумя другими клерками, занимался организацией корпоративных мероприятий: Новый год, 23 февраля, 8 марта, День Фирмы и т.д. Местная самодеятельность здесь была на «совковом» уровне, и Серега на своих хрупких плечах взялся поднимать этот ответственный участок. Бегал по всему производству, выискивал «talанты», главным образом – для своей группы. Перезнакомился с кучей людей, провел кастинг и начал верстать концертную программу. Приближался День Металлурга...

В тот день, в огромном актовом зале собрался весь цвет «Урал-Металлургия». Тысячу человек, не меньше. В числе прочих – собственники, генеральный директор, прочий топ-менеджмент. Серега как глянул из-за кулис на всё это людское море, так и ахнул. Легкая паника охватила его тонкую творческую натуру.

За эти пару-тройку месяцев подготовки, он успел сколотить какую-никакую группу, под названием «Стальные ребята». По замыслу Сереги, на первом этапе, группа должна была набрать очки у заводского руководства, чтобы в неё стали вкладываться. Отсюда, дабы потрафить «генералитету» и было выбрано название, исходя из отраслевой специфики – возможно, не самое удачное, несколько кривое. «Потом, раскрутимся, сменим бренд» – думал Серега. Он уже придумал новое, «серьезное» название для группы – «Цельно-металлическая оболочка» (из одноименного фильма Стэнли Кубрика).

Сегодня, в этот праздничный вечер, состоится презентация его детища перед топ-менеджментом «Урал-Металлургия». Серега хотел, чтобы «большие дяди» заметили его проект и взяли под свою надежную опеку. Чтобы уж наверняка запасть в душу генерального директора, Серега сочинил убойную, как ему казалось, песню про металлургов. Она должна была закрывать концертную программу, стать её украшением, гвоздем, сенсацией! Песня должна была пойти в массы, стать народным достоянием, которое он, Серега, подарил простым людям.

– На сцену приглашается группа «Стальные ребята»... – услышал Серега из-за кулис голос Алочки, менеджера его отдела (в этот вечер она была конферансье). – Это молодая, но талантливая группа, которая родилась на подмостках нашего предприятия «Урал-Металлургия». Специально для Вас, дорогие заводчане, была написана песня про нелегкий труд литейщиков, который, безусловно, является примером героического подвига, немеркнувшего в веках. Дамы и господа, встречаем «Стальных ребят»!

Раздались жидкие аплодисменты. Команда бодро выскочила на сцену, и от души вдарила по струнам. Призывно завизжали электрогитары. Руководство в первых рядах оживилось. Кто-то даже поднял большой палец вверх – молодцы ребята, хорошо начали! Кто-то стал пристукивать ногой в такт мелодии.

– «Урал-Металлургия» – ты гордость всей России! – запел припев Серега, и чуть не прослезился от собственной лирики.

– ...Гордость всей России! Слава всей России! – с чувством подхватила группа.

Песня, словно, мировая революция, накатывала на зал, захватывала сердца людей, вела за собой – куда-то вдаль, за горизонт, в светлое капиталистическое будущее. Серега видел, как «генеральный» улыбнулся и показал на него пальцем какому-то респектабельному господину в «очочках».

– Нас ни сломить, ни согнуть! – поддавал жару Серега, будто пел коммунистический «Интернационал».

Они реально зажигали. Им стали аплодировать – сначала тихонько, вежливо, потом, распекаясь, всё громче и громче. Под финал, грянули бурные, продолжительные аплодисменты. «Стальные ребята» вежливо кланялись в разные стороны, словно извиняясь за фурор, которой они произвели на аудиторию.

– Молодцы! Молодцы! – кричали им отовсюду. – Браво! Давай на бис! Что значит – наши! Умеют же, паразиты! Который там пел-то у них, главный, как звать парня?

Они всё кланялись и кланялись, а их все не отпускали, обильно поливали аплодисментами и восторгами.

– Мы это сделали! – заорал Сергей, едва они влетели в гримерную, уставшие, но счастливые. – Вы видели «генералов»? Они стоя хлопали, будто мы «Любе» или «Парк Горького». Сейчас всё идем в «Метелицу» праздновать успех!

– Куда это вы без нас собрались? – в гримерную влетела конферансье Аллочка, с кокетливой мордашкой. – Девочки, вообще-то, бурно вас поддерживали. Я лично даже голос сорвала, когда вы там кланялись направо-налево. Так что с вас – как минимум, бутылка мартини! Нет, две бутылки! Три, три!

– Не вопрос! – охотно согласился Серега, уже пьяный от славы и счастья. – Бери всех! Будем зажигать сегодня!

Под Новый год трудовому коллективу выдали «тринадцатую зарплату». Парни были при деньгах и сгорали от нетерпения «хорошенько нажраться», как выразился клавишник Андрюха Маслов.

В «Метелицу», самое модное кафе в городе, закатились всем табором: артисты из самодеятельности плюс «сочувствующие». Быстренько сдвинули столики, набрали выпивки и понеслось... Серега сорил деньгами, как саудовский шейх. Угощал милых дам экзотическими напитками: текилой, ромом, бренди, бурбоном. Сам энергично налегал на виски, не брезговал и водочкой, которую ему щедро подливали услужливые друзья.

– За тебя, Серый! – орали ему через весь стол новоиспеченные фанаты.

– Сережка, ты супер! – визжали от восторга девочки.

Начались танцы. «Заводские» образовали свой большой круг, и вытянули в центр уже порядком опьяневшего Серегу. По части танцев, он был, мягко говоря, не очень. Двигался как обычный «гопник» на сельской дискотеке, будто боксируя с невидимым противником из соседней деревни. Впрочем, в этот вечер Сереге казалось, что его движения – органичны и наполнены тайным смыслом; вообще он немного Майкл Джексон со своей «лунной походкой». Его подбадривали благодарные зрители, и бешено аплодировали:

– Пошёл, пошёл! Ай, молодец!

Через пять минут Серега настолько вошёл в раж, что стал активно импровизировать, перебирая танцевальные стили всех стран и народов. Вот он – удалой казак с Кубани, вот он – безбашенный цыган, вот он – черный дикарь из Намибии. Фантазия Сереги не знала границ и условностей. Его унесло куда-то в параллельную реальность, где все жители планеты Земля пустились в общий пляс, как массовка в клипе Бритни Спирс «Baby One More Time».

Вдруг какая-то бабенка выскочила в центр, и стала обвиваться вокруг Сереги, словно тропическая лиана. Выглядела она потрясающе, от неё пахло цитрусовыми духами. Серега

схватил её в свои объятия, поднял на руки и начал кружить, вдыхая полной грудью аромат, который источала красotka.

– Пошли поболтаем! – шепнула она ему на ухо.

Присели за столик. Дальше...дальше Серега помнил смутно.

На следующий день его просветил Витька Коровин, бас-гитарист:

– Ну, ты дал вчера! Мы все просто выпали. Помнишь, как признавался в любви Ираиде?

Стоял на коленях с предложением руки и сердца...Во, кадр!

– Какой Ираиде?

– Какой Ираиде? – удивился Витька, вылупив свои шары. – Самойловой! Дочери генерального директора, чувак...

Серега схватился за лоб:

– Во, попал!

– Теперь тебя её папаша в порошок сотрёт! – добавил перцу участливый Витёк.

Впрочем, «дружбан» с выводами поторопился. События приняли совсем иной оборот. Ираида влюбилась в Серегу. Она то и дело стала отираться в их отделе – по поводу, и без. Сама она числилась в кадрах, но рабочее время проводила, где хотела. В основном, болталась в городе. На завод заезжала «по настроению», то есть один-два раза в неделю, обычно, по пятницам, чтобы вволю посплетничать с подружками, и показаться в кабинете отца с какими-нибудь толстенными папками, для «блезиру». Отец, Самойлов Леонид Витальевич, не хотел, чтобы дочь росла «белоручкой» и всячески поощрял её трудовую деятельность. У него были большие планы на единственную наследницу.

– Ну, как работа, кипит? – спрашивал родитель, обнимая любимую дочку. – Игнатов загонял тебя поди? Ты только скажи...Я уж так и быть, попрошу Евгения Михайловича попридержать коней.

Игнатов – зам. генерального по кадрам – пылинки сдувал с Ираиды, и всеми силами пытался создать ей максимально комфортные условия. Выделил отдельный кабинет с хорошей мебелью, оснастил его кондиционером, холодильником, микроволновкой. Даже настоял, чтобы поставили туда большой аквариум – для «снятия стрессов». Лично ездил в зоомаг, выбирать золотых рыбок...С легкой руки обходительного Игнатова, Ираида регулярно получала хорошие премии, а также другие приятные мелочи – благодарности, грамоты, сувенирчики, презенты...

Занятая по горло своими делами Ираида редко появлялась в офисе, поэтому не успела разглядеть новичка Серегу, который работал в «Урал-Металлургия» без году неделя. В первый раз она его увидела на сцене, в тот вечер, когда весь зал стоя аплодировал его песне.

– Забавный мальчик! – подумала тогда про себя. – Надо познакомиться...

Вообще, она нравилась парням. Отец всячески оттаживал разных «кобелей», и настаивал, чтобы дочь, в свои двадцать пять лет, поскорее вышла замуж за перспективного парня. Он со студенческой скамьи дружил с нынешним директором по экономике и финансам «Урал-Металлургия» Макаровым. У того был сын Владлен, смышлённый малый, который закончил «плешку» в Москве и устроился на завод начальником финотдела.

– Присмотрись к нему! – советовал дочери Леонид Витальевич. – Головастый парень, за таким будешь, как за каменной стеной. И мать обеими руками «за»! Гляди, протянешь...

Умник Владлен, тоже по настоянию своих родителей, стал осторожно обхаживать Ираиду. Он был ужасно вежливый, предупредительный и...скучный. Его длинные занудные речи откровенно бесили Ираиду. К тому же он был прижимист, хоть и похвалялся порой своим богатством, нажитым папашей. В ресторане скрупулёзно пересчитывал счёт, препирался с официантами, выбивал для себя скидки. Возможно, другой бы женщине понравилась такая

рачительность (мол, хозяин, каждую копейку бережет для семьи!), но Ираида его возненавидела.

– Этот Владлен – мерзкий «сухарь», зануда и жмот! Нашел, кого мне сватать! – сказала она отцу в сердцах.

А вот рубаха-парень Серега ей сразу понравился. Она зачастила к ним в отдел, благо там работала её подруга, Алла Ермохина – Аллочка, как её звали многие знакомые. Та сразу сообразила, что Ираида запала на Серёгу, и взялась поспособствовать дочке генерального. Обе «хищницы» выработали совместный план действий. Впрочем, чтобы окрутить простака Серёгу много ума не требовалось. Аллочка пригласила его в субботу, на свою дачу, «попеть для друзей», ну и вообще отдохнуть, поесть шашлыка, искупнуться в озерке. Серега тут же согласился. Ему льстило, что его талант «заметили» и стали добиваться расположения, приглашать в «общество».

– Бремя славы! – томно вздыхал он по дороге на дачу, болтаясь в обнимку с «шестистрункой», в пригородной электричке.

К его удивлению, никакой большой компашки, которая ему грезилась в мечтах, и в помине не было. За накрытым столом расположились только Аллочка и Ираида. Обе в легких сарафанчиках. Серега немного помялся, вспомнил свое поведение на День Metallурга.

– Кто к нам пришёл! Гляди, подруга! Искушила молодца чья-то девичья краса! – Аллочка тут же вжилась в роль опытной свахи.

Серега не прочухал тему и с интересом уставился на щедро заставленный стол. Он с утра ничего не ел, и, прежде чем развлекать девочек своим «бархатным голосом», хотел вкусно покушать. Время близилось к обеду.

– Поднимем бокалы! – воскликнула Аллочка.

Серега мигом осушил свой фужер, и забренчал на гитаре:

– Не падайте духом, поручик Голицын! Корнет Оболенский, налейте вина!

Девчонки засмеялись, началось веселье. В этот день они много ели, пили и дурачились. Серега пожирал глазами Ираиду. К вечеру пошли на озеро, искупаться. На бережку Аллочка вдруг спохватилась:

– Ой, я же забыла мобильный в доме! Отдыхайте пока без меня!

– Ну, ты как всегда! – пожурела подруга. – Давай быстрее!

– Я мигом!

Аллочка умчалась в сторону дач. Тем временем Серега откупорил шампанское, и протянул бокал Ираиде. Их взгляды встретились...

Вот тогда-то у них и закрутилась любовь. Они скрывались ото всех, ворковали где-то по отелям и паркам на окраине города. Ираида ужасно боялась огласки. Никто из офисного планктона, кроме преданной Аллочки, не знал, какие страсти кипят у них под боком. Но земля слухами полнится... Как-то вечером, за семейным столом, Леонид Витальевич поинтересовался у дочери:

– Что у тебя с этим музыкантом?

Ираида воткнула вилку в эскалоп, и равнодушно спросила:

– Каким ещё музыкантом?

– Не прикидывайся дурочкой, я всё знаю! – рявкнул отец. – Давай, выкладывай! Матери тоже будет интересно. Не так ли, Нонна Юрьевна?

Супруга Леонида Витальевича поспешила согласиться:

– Ну, разумеется, нам с отцом, небезразлично, с кем встречается наша дочь.

Ираида сморщила личико.

– Мне кажется, я уже достаточно взрослая девочка, чтобы не отвечать на такие вопросы...

– А мне кажется, ты уже достаточно взрослая, чтобы перестать хамить родителям! – осадила дочь Нонна Юрьевна. – Если ты завела интрижку...

– погоди, мать, с нотациями! – перебил Леонид Витальевич. – Так мы от неё ничего не добьёмся. Упрётся рогом и всё! Ираида, давай конструктивно поговорим. По-семейному. Встречаешься ты с ним или нет?

– Ну, встречаюсь...

– Давно?

– Месяца три где-то, не считала.

– Что у вас – серьезно или так, встретились-разбежались? – допытывался отец.

– Мы любим друг друга! И даже думаем пожениться!

– Ничего себе заявочки... – Нонна Юрьевна обеспокоенно взглянула на мужа. – Это что-то новенькое. Ты случайно не в положении, милая?

– Пока нет, но активно работаем над этим! – съязвила Ираида.

– Я поговорю, завтра, с твоим гитаристом – предупредил отец. – С глазу на глаз, по-мужски... Выведу на чистую воду, добра молодца.

– Это ничего не изменит – кивнула плечами Ираида. – Он тебе скажет всё то же самое....

– Вот и поглядим! – хмуро сказал Леонид Витальевич.

Серегу не на шутку встревожил звонок Ираиды. То, что её отец узнал об их отношениях, могло повернуться для него по-всякому. Не обязательно плохо. Возможно, это шанс. Серега опять стал мечтать о своей рок-группе, студии, фестивалях... Без богатого спонсора, его проект обречен. На следующий день, после звонка Ираиды, он летел на работу, полный страхов и надежд. Не терпелось узнать – что скажет её отец? После обеда Серегу, наконец, вызвали к «генеральному».

– Ну, проходи, раз пришел... – холодно встретил его Леонид Витальевич. Он восседал за широким дубовым столом, в просторном кабинете.

– Спасибо... – Серега робко прошёл по ковру, примостился в кресле.

– Догадываешься: зачем тебя вызвал? – «генерал» просверлил взглядом гитариста.

– Вероятно, по личному вопросу...

– Понятливый. Именно – по личному. Вчера у меня состоялся разговор с Ираидой. Она, небось, тебе уже доложила, подготовила, дала инструкции. Ну, так, просвети, мил человек, что тебе нужно от моей дочери?

– У нас – всё серьезно! – поспешил заверить Серега. – Мы планируем совместное будущее. Скоро собираемся в ЗАГС...

– Ой, ли? – с ухмылкой встретил его декларацию Леонид Витальевич. – Вот тебе сказка, а мне бубликов вязка. Давно ли засобирались-то?

– Недавно. Всё думали, и вот решили. Куда тянуть?

– Похвально. А как семью кормить думаешь, музыкант? Одной балалайкой-то, не проживешь.

Сереге помялся.

– Я вообще-то зарабатываю. Может, пока недостаточно. Буду стараться...

– Образование у тебя какое? Что заканчивал?

– Педколледж. Здесь, в городе, на улице Горького. Филфак.

– Педагог значит?

– По диплому-да. Преподаватель по русскому и литературе. Но, вообще я песни сочиняю. Не только стихи, но и музыку. Вот на День Металлурга корпоративный гимн написал. Мы пели тогда, может, помните?

– Как же... слышал.

– Если надо, я ещё могу несколько «вещей» для предприятия сочинить. Я здесь свою группу собрал, хорошие ребята, все с музыкальным образованием. Если будет поддержка, сможем выйти на город, на область... для начала. Потом – на всероссийские конкурсы и фестивали можно выезжать. За результат я ручаюсь! – изложил свою программу-максимум Серега. – Хотите завтра сыграем для вас? Посмотрите, оцените...

– Ну, вот и ответ на поставленный вопрос – подытожил Леонид Витальевич. – Ясно теперь, для чего тебе Ираида. Через неё ко мне подбираешься, артист? Неплохо задумано. Стратег! А теперь встал и пошёл отсюда!

Серега опешил.

– Встал и пошёл вон! – заорал гендиректор. – Сегодня напишешь заявление по собственному желанию. Считай, что легко отделался, умник! Увижу рядом с дочерью-пеняй на себя.

Серега чуть ли не выбежал из кабинета. От волнения даже забыл закрыть за собой дверь. С помятым лицом проскользнул через приёмную, как побитая собака. Уже на улице отдышался, закурил и немного пришёл в себя. Он едва сдерживал слезы. В один миг его мечты и планы рухнули...

– Как ты посмел? – Ираида ураганом ворвалась в кабинет отца.

– Только не сейчас! Дома поговорим! – отрезал Леонид Витальевич. – Ко мне сейчас голландцы приезжают. Устроила сыр-бор!

– Плевала я на твоих голландцев! – с вызовом бросила Ираида. – Ты зачем выгнал Сергея?

– Захотел – и выгнал. Тебя, что ли спрашивать, дорогуша? Аферист – он.

– Ты пожалеешь об этом, очень скоро пожалеешь...

– Что, ты мне угрожаешь? Совсем ошалела? – удивился отец.

– Мы распишемся, назло вам распишемся. Я сейчас еду выбирать себе свадебное платье. У нас будет роскошная свадьба!

– С каких барышей?

– У меня есть свой капитал! Заработала! – Ираида достала из сумки пластиковую карту и сунула под нос родителю.

– Давай, тяни этого босяка всю жизнь! Дура!

– Вас с матерью не будет на моей свадьбе! Клянусь!

– Убирайся из нашего дома! – заорал Леонид Витальевич.

Ираида выскочила из кабинета, и со всей силы хлопнула дверью. Раздался страшный грохот. Секретарша вздрогнула, и поспешила внутрь, узнать, всё ли в порядке у шефа? Гендиректор стоял посреди кабинета и метал молнии.

С энергией молодой тигрицы, Ираида взялась за организацию свадьбы. У неё, действительно, были неплохие накопления. Благо, многие её «хотелки» оплачивались из родительского кармана. Зарплаты и премии, которые ей перечислялись на карты, она почти не трогала, разумно полагая, что собственный капитал нужно тратить в последнюю очередь. За несколько лет работы в «Урал-Металлургия» накопилось что-то около пяти миллионов рублей. Неплохое подспорье на «черный день»... Ираида сразу решила, что два «ляма» уйдёт на свадьбу. Ещё пятьсот тысяч она решила потратить на «медовый месяц» в Тайланде.

Из солидарности с Серегой она уволилась с работы. Сразу после скандала с отцом покинула родительский коттедж. Впрочем, квартирный вопрос её совсем не напрягал. В своё время предки купили ей «трёшку» в элитном жилом комплексе, предполагая, что дочь когда-нибудь захочет вырваться из «отчего дома».

Свадьба состоялась в ноябре, в престижном загородном ресторане «Поместье». Ираида пригласила кучу друзей и знакомых. За роскошным столом собралась сотня гостей, в основном, «золотая молодежь». Верная своему обещанию, она проигнорировала родителей, чем еще больше обидела отца, который втайне надеялся на скорое примирение.

Через день «молодые» отбыли в Таиланд. Они остановились в роскошном отеле «СОМО Point Yamu», на острове Пхукет. Ираида выбрала люкс с собственным бассейном и террасой, откуда открывался потрясающий вид на Андаманское море. Утром им подавали восхитительные завтраки, приносили тропические фрукты. Днём они, обычно, плескались в бассейне, попивая свежавыжатые соки и йогурты.

Впрочем, оба были не прочь поразвлечься. Уже через пару дней, Ираида стала продвигать активный отдых: elephant-променад, катание на каноэ, вело-тур. Как-то выбрались в мангровый лес с обезьянами, в другой раз – заглянули на рыбную ферму.

Вечером супруги направлялись в ресторан, где лакомились тайской или итальянской кухней. Доброжелательный и внимательный персонал исполнял все прихоти. Специально для Сереги, которому в декабре стукнуло двадцать шесть, Ираида устроила маленькую церемонию. В ресторане приглушили свет и эскорт официантов, под незабвенное Happy Birthday, вынес прелестный бело-лавандовый торт с живыми цветочками. Перед сном они любовались сногшибательным закатом над заливом Пхангнга...

Они быстро вошли во вкус. Возвращаться в далекую Россию, где стояли январские морозы, им не хотелось, несмотря на новогодние праздники. Ираида предложила остаться в Тайланде ещё на несколько месяцев, отчего Серега пришёл в неописуемый восторг. К тому же к ним присоединились её знакомые из Москвы. «Всем колхозом» они исколесили Пхукет, потом перебрались в Панган, а затем осели на Самуи.

Дни напролет друзья катались по островам, нежились на пляжах, занимались любовью, где душа пожелает, хлестали тайский ром, и зажигали на вечеринках. Они готовы были так жить вечно – что ещё надо человеку для счастья? Но у Ираиды практически закончились деньги, оставалось тысяч двести «деревянных». Пришлось наступить на горло собственной песне. Скрепя сердце, было принято суровое решение – возвращаться в Россию.

Приехали понурые, без настроения. Родина их встретила промозглым ветром и слякотью. Начинался апрель. После субэкваториального климата, в котором они привыкли блаженствовать с утра до ночи, такая погода казалась им пыткой. Они спрятались от унылой российской действительности в своей «трешке», где сразу же решили отметить «возвращение». Скатались в гипермаркет, набрали алкоголя, и уже вечером закатали шумную вечеринку, куда пригласили массу друзей. На следующий день, «праздник жизни» продолжился. Так они гуляли еще недели три. К маю все деньги были истрачены.

Ираида первая пришла в чувство и стала ломать голову, где добыть финансы. Ничего путного не приходило на ум. Продавать свою «ювелирку» – душила жаба. К тому же, это временное решение проблемы. Занять у друзей – тоже не вариант, потом все равно отдавать.

– Может, толкнём твою хату? – предложил Серега. – Сами переедем в «однёшку». Зато получим хорошие деньги.

– Ты привык жить в картонной коробке! А я люблю комфорт! – закричала Ираида. – Я выросла в большом трехэтажном доме, где зал – как футбольное поле, а в моей спальне можно на «Ленд Крузере» ездить.

– Ну что ты тогда предлагаешь? – развел руками Серега. – Слушай, а может тебе с предками помириться? Неплохая идея...

Ираида тоже думала об этом. Похоже, других вариантов не оставалось. Пойти работать – такую идею они сразу отмели. Конечно, Серегу можно было заставить устроиться куда-нибудь. Но что он будет получать – двадцать-тридцать тысяч в месяц? Копейки... Ираида привыкла

жить на широкую ногу, ни в чем себе не отказывая. Посему придётся засунуть свою гордость «в одно место», и пойти на «мировую» с родителями. Особенно тяжелым ей представлялся разговор с отцом – долгий, обстоятельный, нудный... За месяцы в Тайланде, она вдохнула настоящий воздух свободы, стала другим человеком, а не той «папиной дочкой», «пай-девочкой», которая ходила по струнке в родительском доме. Отец, конечно, всё припомнит. Надо будет сидеть смиренно и только обреченно кивать головой, изображая на лице мировую скорбь, надеясь на милость победителя.

Ираида решила провести разведку «боем» – встретиться для начала с матерью. Она разобрала сумку, где хранились всякие побрякушки из Тайланда, и выбрала презенты, которые порадуют маму, помогут сломать лёд при общении. В «антикризисный пакет» вошли: натуральная косметика, тигровый бальзам, сумка из крокодиловой кожи, жемчуг. Она ещё хотела захватить альбом со свадебными фотографиями, но затем посчитала это неуместным, поскольку родителей тогда закинула «в игнор». Не стала брать и флешку с тайскими фотками, где они счастливые с Серегой, забив на весь мир, отрывались на полную катушку.

Ираида позвонила матери, и добавив в голос нотки раскаяния, произнесла:

– Привет, мама! Давно не виделись. Прости меня... Давай встретимся, ты не против?

Мать согласилась. Ираида боялась поехать к ним, в коттедж, чтобы не столкнуться лоб в лоб с отцом. Она назначила встречу на нейтральной территории, в кафе «Venezia». Здесь, в уютной атмосфере, под салатик с креветками, филе дорадо и бутылочку «Barolo», Ираида пустилась в пространный рассказ о курортах Тайланда. Мать с интересом рассматривала презенты, которые дочь выставила на стол. Постепенно разговор переключился на личную тему. Ираида стала нахваливать Серегу, его мужские качества, привирая на каждом шагу. О том, что Серега очень любил выпить и потерял всякое желание где-либо трудиться – она тактично умолчала. Мать, возможно, не поверила в её красивую историю любви, тем не менее, обещала посодействовать.

На следующий день она позвонила Ираиде, и пригласила на встречу с отцом, на сей раз – в отчий дом. Леонид Витальевич не любил всякие там рестораны, предпочитая ужинать в своей «берлоге», как он выражался.

– Здравствуй, папа! – сказала Ираида, опустив глаза, и присаживаясь на своё обычное место, за семейным столом. – Хорошо выглядишь...

– Здравствуй, дочь! – хмуро ответил отец. – Явилась-не запылилась...

– Тебе положить сметаны? – спросила его Нонна Юрьевна, в надежде переключить внимание. – Ты же всегда ешь борщ со сметаной.

– Положь... – одобрил Леонид Витальевич. – Видала, мать, пропащая приехала... Укатали сивку крутые горки. Нужны мы ей стали, в кой-то веки. С чего бы?

– Я хотела попросить у вас прощения! – Ираида пустила легкую слезу. – За это время я многое переосмыслила.

– Гляди, переосмыслила... Видать не сладко на чужой-то сторонке, вдали от папки с мамкой. Ну, рассказывай, чего ты там переосмыслила?

Ираида напряглась. Она совсем не собиралась устраивать «стриптиз души» и выворачивать себя наизнанку. Потом, её раздражала эта идиотская манера отца прикидываться таким деревенским лаптем.

– Я просто хочу помириться, папа!

– А чего муженька не привела сваво? Стесняешься нас? Ну, правильно, люди мы не шибко-то культурные. Арии ни слушаем, в оперу не ходим. Куда нам до него?

– Сергей хотел придти, но у него есть срочные дела, бизнес...

– Скажите, пожалуйста, бизнесменом заделался! – усмехнулся Леонид Витальевич. – И много зашибает твой благоверный? Небось, лопатой деньги гребет, девать некуда! Все чемоданы забили да перины!

– Боюсь, мне надо идти – Ираида поспешно встала. – Продолжим разговор в следующий раз. Я надеюсь...

– Надейся... – пожал плечами отец. – Чего переливать из пустого в порожнее? Так и скажи: дай, тятя, грошей! Все проели, пропили. На что жить? А я так скажу: ни хрена вам не дам, ни гривенника, ни копейки! Устраивайся, как хошь. Пусть муж тебя содержит. Он у тебя богатый...

Ираида раздраженно встала из-за стола, и, не прощаясь, покинула семейный ужин. Больше говорить было не о чем.

– Он не даст нам денег! – резюмировала Ираида, придя домой. – Старый мудака!

– Дела... – только и произнес Серега. – Придётся идти в уличные музыканты. Я уже посмотрел один переход, там много народу шатается туда-сюда, к вечеру «под штуку» собираю, а то и две.

– Прекрати нести всякую хрень! – заорала жена. – Уличный музыкант... Это всё на что ты способен?!

– Извини, таким уж уродился!

– Да уж, выбрала себе муженька! Предел мечтаний!

– Я не навязывался...

Серега полез в бар за бутылкой.

– Налей и мне! – приказала Ираида. – Мне нужно прийти в себя. Папаша все нервы изматал. Чуть не прибила его.

С бокалами они разлеглись на диване. Помолчали.

– Я завтра начну искать работу – примирительно сказал Серега. – Погуглю интернет.

– Есть другой способ... – загадочно произнесла Ираида.

– Какой?

– Забрать у него эти деньги.

– То есть?

– Да, просто пойти и взять. Через неделю они уезжают на отдых в Испанию. В доме никого не будет. У меня есть ключи – они, вряд ли, сменили замки с моего отъезда.

– Недурно! – похвалил Серега. – Ты знаешь, где у них лежат бабки?

– У отца есть сейф. Ты сможешь его открыть?

– Я? Каким образом?

– Ну не знаю, подумай...

– Исключено! – съехал с темы Серега. – Я в этом ничего не смыслю. Потом, требуется куча инструментов, всяких приборов.

– Хорошо... – сказала Ираида. – Тогда сделаем по-другому. Сейф не трогаем. Будем искать деньги в доме. В шкафах, комодах, сумках... везде. С миру по нитке. Где-то они должны быть.

– Тебе виднее. Ты выросла в этом доме. Ты сможешь!

– Ошибаешься, милый! – Ираида злобно зыркнула на мужа. – Я и так всё это время тянула нас обоих. Мы жили исключительно за мой счёт! Свадьбу – я, Тайланд – я... А где твои бабки? Ты на что-нибудь способен, кроме как бухать? Лафа закончилась! Теперь пришла твоя очередь показать себя. И только попробуй отказаться!

Серега сделал глоток виски. Возразить ему было нечего.

– Не бойся, это не страшно – успокоила его Ираида. – Возьмёшь мой ключ, спокойно откроешь дверь, отключишь сигнализацию и за дело. Рискну – ноль. Даже если вдруг, чисто гипотетически, ты попадешь в полицию, я прикрою, скажу, что попросила тебя взять кое-какие мои вещи...

Сергеа молча слушал, обдумывал. Он, конечно, мог «забить» на всё, но это означало, конец его беззаботной жизни. После многих месяцев, проведенных в Тайланде, где были только море, пляж, вечеринки, алкоголь и секс, его нутро противилось какой-либо деятельности, в рамках Трудового кодекса РФ. Он превратился в убежденного дауншифтера, идеалом которого стал вечный отдых, *sunshine and holiday*. Возвращаться в «прошлую жизнь», с хроническим недосыпом, офисной скукой и кислым рылом начальства, ему не хотелось. Пожалуй, это самое ужасное, что могло произойти с ним.

– Я готов! – веско сказал Серега. – Ради тебя, ради нас, я на всё готов...

Июньский вечер был в самом разгаре. Народ празднично болтался по улицам. В барах пиво лилось рекой. Серега сам бы с радостью присоединился к этому празднику жизни, но сегодня был особенный вечер. Сегодня решалась его судьба. Либо он едет с Ираидой наслаждаться закатами над Адаманским морем, либо остаётся в этом городишке, и всю жизнь наслаждается честным трудом, на благо работодателя.

Сергеа вышел из «маршрутки» и, спокойно, без суеты, направился в сторону элитного жилого комплекса «Янтарный» – он располагался в городской черте, у реки. Здесь располагался коттедж родителей Ираиды. Она дала ему пропуск на территорию, приклеив фотографию мужа вместо своей. Серега мирно прошёл через шлагбаум, мельком предъявив пропуск пожилому, апатичному охраннику.

– Им там всем пофиг! – инструктировала Ираида. – Не лебези перед ними, представь, что перед тобой бабушка-вахтер.

Все эти дни, словно опытный тренер, этакий Жозе Моуринью, она вселяла в него уверенность в успехе и засыпала разными «цэу». Стараясь не привлекать к себе внимание, Серега шел неторопливой, вальяжной походкой, как типичный мажор, которому море по колено. Минут через пятнадцать, он приблизился к калитке дома Самойловых. Быстренько огляделся – вокруг никого. Вставил ключ, открыл замок, и спокойно захлопнул за собой калитку. Также ровно, без напряжения, прошёл через маленький двор, отворил массивную дверь в дом, и выключил сигнализацию. Внутри стояла жуткая темень. Серега включил фонарик на мобильном и осмотрелся. Перед ним раскинулся огромный зал.

– Ничего себе, хоромы! – восхищенно шепнул непризнанный зятьёк.

Не теряя ни секунды, Серега рванул вверх по лестнице на второй этаж. Здесь, по словам Ираиды, находился кабинет отца.

– Сосредоточься на кабинете! – советовала жена. – Вещи не трогай, ищи только деньги.

Особенно перетряхни книги – он, по-старинке, любит прятать «зачачку» где-нибудь в многотомниках.

Сергеа первым делом полез в стол. Здесь ничего интересного не было. Какие-то бумаги, безделушки, зажигалки. Далее он обшарил комод, порылся в белье, перетряхнул носки, трусы, майки. Бегло прошмонал кожаный диван. Ничего! Наконец, приступил к осмотру библиотеки. В огромных стеклянных шкафах величественно взирала на него тысяча толстенных книг. Серега, в панике, шарил глазами по всему этому наследию человеческой мысли.

– Где? Где? – спрашивал он себя. Казалось, нужны долгие месяцы, годы, чтобы перебрать, перелистать книжный «гипермаркет».

Он бросился наобум, схватив первую попавшуюся книгу и вытрясая из неё всю душу. Вторая, третья, пятая... Серега вошёл в раж и увлекся процессом. В любом из этих заумных томов могли находиться бабки – жизнь, свобода, море, тайский ром и гребанный закат над заливом Пхангнга!

Прошел час. Куча книг была раскидана по полу, как ненужный хлам. Серега с досады жажнул ногой по книжной массе. Что стоит эта макулатура, если там нет денег? Оставалась ещё пара шкафов. Уже не веря в удачу, он, с обречённым видом, на автомате, пролистывал литературу, как старый замордованный жандарм, который производит обыск на квартире революционера-подпольщика.

Вдруг что-то выпало на ковер. Серега вздрогнул, отбросил книгу, и поднял с пола пухлый конверт. Заглянул внутрь, и сердце радостно запрыгало. Внутри лежала пачка «красных». Пересчитал – сто тысяч рублей! Окрыленный успехом, он стал с ещё большей энергией трясти оставшиеся книги.

– Ну, давай, ну, пожалуйста! – просил Серега неведомо кого.

Однако его ждало жестокое разочарование. Десятки раскуроченных томов, с последних полок, не принесли ни рубля. Помня предупреждение Ираиды, не устраивать погром и соблюдать максимальный порядок, чтобы скрыть следы налёта, он быстро разложил книги по шкафам. Глянул на часы. В десять вечера охрана совершала обход территории. К этому времени нужно было покинуть коттедж, и выйти за пределы жилого комплекса. Оставалось сорок минут.

Серега хаотично принялся бегать по дому, заглядывая, куда ни попадая. Он даже ворвался в спальню Самойловых, и стал обыскивать супружеское ложе. Гостиная, кухня, кладовки, прачечная, ваннные комнаты, гараж – всё подверглось грандиозному шмону. Но денег больше не нашлось. Изможденный Серега вышел из дома, покинул территорию «Янтарного», и где-то в городе поймал такси.

Ираида ждала его. Она нещадно хлестала мартини, и курила сигареты, одну за другой. Вся квартира была пропитана сладковатым ароматом «Kiss» с ароматом клубники.

– Пришёл! – вскрикнула жена, радостно встречая его у порога, словно голодный и наломанный мужик пахал всю ночь у станка.

– Пришёл... – скучно, без эмоций, констатировал Серега.

– Нашёл? Рассказывай, мне не терпится!

– Нашёл...

– Молодечик! Сколько? Говори, ну?

– Сто штук....

Ираида замерла, и полными ужаса глазами уставилась на Серегу.

– Сто чего?

– Сто тысяч русских денег.

Серега вытащил из куртки конверт, и бросил на тумбочку у зеркала.

– Можешь пересчитать...

И пошёл в сторону бара. Плеснул в стакан остатки бренди. Вдруг он услышал плач Ираиды.

– Ну ладно, брось... – сказал Серега. – Что-нибудь придумаем...

– Нет, всё кончено. Конец сладкой жизни.

– Давай не будем драматизировать. Может, ещё есть варианты.

Ираида наполнила свой бокал, отхлебнула.

– Есть... – сказала она хриплым голосом. – Только при одном условии.

– Каком? – у Сереги мелькнула робкая надежда.

– Мы разводимся, и я слезно, на коленях выпрашиваю у отца прощения для блудной дочери.

– А как же я?

– Милый, ты – просто неудачник... – презрительно сказала Ираида.

Вскоре они развелись. Серега устроился в один из ресторанов на окраине города, где по вечерам развлекал на сцене неприхотливую публику. На улице его частенько видели вдребезги пьяным. Он толкал прохожих, и в ответ на чью-то ругань, говорил, поднимая палец к небу:

– Вы ещё увидите, кто я такой! Вы ещё услышите...

НОЧНОЙ ГОСТЬ

Семья Балашовых жила дружно. Кирилл души не чаял в жене и сыне. Так ещё со свадьбы повелось – семья у него на первом месте. Пока его ровесники шарохались по барам, устраивали загулы, клеили (или снимали) «девочек», Кирилл строил «ячейку общества». «Ты прям образцовый какой-то!» – шутила его жена, Юлька. С ней он встретился ещё на первом курсе Института управления. Он как-то сразу понял, что Юлька – его судьба. Одна, и на всю жизнь.

Поначалу у них не складывалось. Кирилл Балашов слыл «ботаником», все время просиживал за книгами, готовился к занятиям капитально, на совесть. Зато выделялся на лекциях и семинарах, блистал эрудицией. Преподаватели его ценили.

«Любимчик» – такое прозвище приклеилась к нему с первых дней. Красавица Юлька была равнодушна к «ботанику», посмеивалась над ним и, даже немного презирала. Юльку атаковали «мажоры» со старших курсов, которые, может, и не преуспели в науках, зато уверенно шли напролом, как хозяева жизни.

Был среди них Эдуард Королев – смазливый пижон, который ездил в институт на крутой «бэхе». Отец у него работал зам. министра строительства по региону, раздавал подряды карманным фирмешкам. Все девочки в институте были без ума от «Криштиану», как они величали Эдуарда. Он, в самом деле, чем-то смахивал на форварда «Реала» Криштиана Роналду. Молва о тусовках, которые проходили на даче «мажора», гремела на весь институт:

– Это круче, чем на Ибице!

Сколько студенточек расстались там с невинностью! Однажды в поле зрения Эдуарда попала и Юлька. Он сразу сообразил, что перед ним – крепкий орешек. В отличие от многих дурочек, с которыми ему приходилось иметь дело, здесь требовался «особый подход». Эдуард решил поиграть в пылкого влюбленного. Он через «Контакт» стал писать Юльке нежные послания, трогательно шутил, временами изображал из себя «непонятого гения», которого, мол, все уважают за «папины деньги», а он – презирает богатство и, вообще, мечтает стать рок-музыкантом. Потом они встретились с Юлькой, катались на яхте по Волге, делали селфи на фоне заката, пили дорогое вино... Так закрутился бурный роман. Подруги завидовали Юльке, и прочили её в жены «Криштиану».

– Они такая красивая пара...

Через два месяца Юлька «залетела». Королев воспринял эту новость с раздражением, и приказал сделать аборт. Юлька чуть не легла под нож хирурга, но её вовремя остановила мать:

– Только попробуй! Будешь рожать, как миленькая!

Под Новый год родился Данилка – копия «Криштиану». Юлька все надеялась, что в Королеве проснется отцовское чувство. Однажды он позвонит в дверь, придёт с кучей подарков, и скажет: «Прости, дураком был...». Возможно, они встретят вместе этот Новый год, уже по-семейному. Все надежды разрушил звонок Алки, подруги по институту:

– Ты в курсе, что этот кобель женится? На дочери мэра...

Юлька швырнула смартфон об стену, заревела, и кинулась к окну. Ладно, отец был дома. Влетел в зал, перехватил дочь уже на подоконнике, за секунды до падения.

– Ты, что, родная? Чего стряслось-то?

С Юлькой началась истерика, кое-как справились. Потом она замкнулась, впала в депрессию. Её водили по врачам, но те только прописывали антидепрессанты и советовали почаще гулять. Вот на одной из таких прогулок, на детскую площадку пришел Кирилл.

– Привет, Юля! Сколько лет твоему карапузу?

Кирилл вынул её из омута. С ним началась новая, счастливая жизнь. Он давно был влюблен в Юльку тайной тихой любовью. Сильно страдал, когда услышал про её роман с Короле-

вым. Даже бросил учебу на время, начал попивать. Но потом оклемался, зарылся опять в свои книги, и подчистил «хвосты».

Однажды решил пойти и признаться Юльке в своей любви. А там будь, что будет... Свадьбу сыграли по весне. Теща обожала зятя, и убедила тестя отдать «молодым» свою «двушку» в центре города. Сами переехали на окраину.

Славно зажили Балашовы. Родители с обеих сторон помогали студенческой семье деньгой, Кирилл стал подрабатывать юрисконсультантом на предприятии. Потом и вовсе устроился в штат, перевелся на «заочку». Потихоньку стали обживать.

Кирилл сам оформлял детскую. Поклеил обои, собрал кроватку, комод, шкаф, накопил игрушек. Данилка сначала боялся «дядю», но потом привязался, и уже ходил как хвостик за Кириллом. Они вообще стали не разлей-вода. Юлька это видела, и плакала от счастья, тайком. Однажды утром Данилка ткнул свой пальчик в заросший подбородок Кирилла: «Папа...»

Через семь лет Балашовы крепко встали на ноги. Юлька устроилась в банк, на хорошее место, Кирилл стал начальником юридического отдела на литейном заводе.

Они уже успели съездить в Турцию и Египет. Сделали ремонт в квартире, купили новую мебель. Обновили авто – вместо старой «четырки» приобрели новенькую «Kia Rio». Данилка заканчивал первый класс. Кирилл любил по вечерам заниматься с сыном – особенно им нравилось рисование и лепка. По всей квартире были раскиданы их «шедевры». Еще они обожали собирать «пазлы». Как-то майским вечером, Юлька оставила своих мужчин «на хозяйство», а сама пошла в ресторан – подруга отмечала день рождения.

– Не теряйте меня мальчики, скоро приду...

– Смотри, много не пей! Тащить не буду – подмигнул Кирилл.

Ресторан «Чайхана» считался одним из самых престижных в городе. Здесь собирались местные «сливки общества». Цены, конечно, были заоблачные, но кормили прилично. Когда Юлька в эффектном черном платье вошла в зал, присутствующие кавалеры оживились. Некоторые глазели внаглую, раздевали взглядом. Пока она добиралась до столика подруг, эти взгляды-пиявки сопровождали её с неприкрытым вожделением.

– Ты произвела фурор! – отметила Изабелла. – Они все пялились на тебя, как стая ненасытных гамадрилов. Берегись, нас ждёт нашествие!

Как в воду глядела. Через пару часов, вокруг Юльки начался ажиотаж. Кто-то передал бутылку шампанского, кто-то – бутылку вина, один хахаль подошел с букетиком. Её приглашали на танец, пытались вытянуть на «совместное селфи», делали сногсшибательные комплименты. Кружила вся эта публика как самолеты-штурмовики, но Юлька стойко держалась. Вдруг чья-то рука нежно опустилась ей на плечо:

– Привет, узнаешь?

Юлька вздрогнула и подняла голову. Перед ней стоял Эдуард. Возмужавший, с медным загаром, ещё более смазливый, чем тогда, в институте.

– Сколько лет, сколько зим... – удивилась Юлька, и почувствовала, что сердце радостно забилося, по-юному, безбашенно.

– Потанцуем? – предложил Эдуард, взяв её ладонь в свои руки.

Уже на танцполе, он пригласил её в «одно тихое уютное местечко», где можно спокойно поболтать, попить глинтвейна. Юлька наскоро попрощалась с подругами, солгав, что ей пора домой, «баиньки». Вскоре они с Эдуардом сидели в кафе «Boho», в полумраке, наполненном кальяном.

– Замужем? – спросил Эдуард, пыхнув в потолок яблочно-апельсиновым ароматом.

– Да, уже семь лет почти.

– Счастлива?

– Счастлива...

- Я его знаю?
- Возможно... Кирилл Балашов, с нашего факультета, мы учились в одной группе.
- Нет, не знаю – поморщился Эдуард. – Там много всяких было.
- Ты как, женат? – в свою очередь спросила Юлька.
- Давно уж развёлся... К счастью.
- Я слышала, на дочери мэра, кажется.
- Да какой он мэр? Был мэр – стал коррупционер. Его взяли ещё три года назад, прямо в рабочем кабинете. Разве не слышала?
- Слышала, все тогда об этом говорили...
- Да вообще дурдом! Такое пятно. Мой отец как узнал об этом, сразу сказал: они нам не родня, разводись! – Эдуард скривился.
- Дети есть?
- К счастью, не успели. Хотели пожить для себя несколько лет. Поездить, мир посмотреть. Молодые же ещё, куда торопиться?
- Ну и как, поездили?
- О, да! Всю Европу облазили. На Гоа были, на Сейшелах, в Майами. Плюс Китай, Индия. Про всякие там турции, египты, тайланды – вообще молчу. Вот сейчас думаю, на Кубу слетать. Друзья советуют...
- С бывшей-то видишься?
- А зачем? Всё кончено! Ладно, хоть часть имущества успел вывести из-под удара. Отец помог разрулить ситуацию. Сейчас у меня полный порядок. Своя фирма, торговая. Большой дом в Малаховке, пятнадцать минут езды до города. Даже яхта есть. Помнишь, то наше лето? Катались по Волге, встречали рассвет...
- Помню... – промолвила Юлька.
- Они помолчали.
- Как сын? – неожиданно спросил Эдуард. – Похож на меня?
- У него есть отец – ответила Юлька. – Хороший, любящий отец... Данил в нём души не чает.
- Эдуард отвернул голову к окну, поглядел в ночную темень, и перевел разговор на нейтральную тему. Вспоминали общих знакомых, обсуждали заграничные курорты...
- Мне пора... – засобиравлась Юлька ближе к полуночи.
- Обменяемся номерами? – улыбнулся Эдуард.

На следующий день, на работу к Юльке доставили букет. Двадцать семь белых роз – по числу лет.

- У тебя, что день рождения сегодня? – недоуменно спрашивали у неё коллеги.
- Да нет, муж решил сделать сюрприз – слукавила она.

В букете лежала маленькая записочка: «С любовью, от Э.К.». Сердце Юльки опять радостно запрыгало. Весь день она думала об этой записочке. Её поразило это слово – «с любовью», такое короткое и такое приятное. «Неужели он и впрямь в меня влюблен? – гадала Юлька. Через пару дней позвонил Эдуард:

- Привет! Поужинаем?
- Нет, не могу, извини... Мне домой нужно.
- Ну, хорошо. Может, в другой раз...

Весь месяц Эдуард периодически позванивал. Ненавязчиво, а как бы, между прочим. Спрашивал: как здоровье? как настроение? как на работе? Это были коротенькие разговоры, которые всегда заканчивались неизменным приглашением «поужинать». Юлька вежливо отказывала, ссылаясь на занятость, семейные дела. Ей, что скрывать, было приятно его внимание.

Старая любовь не ржавеет, как в народе говорят. Любовь-не любовь, но какое-то чувство – неопознанное, без названия – стучалось в её сердце.

В июле Кирилл с Данилкой поехали в деревню, погостить у «бабули». Юлька не смогла составить им компанию, поскольку директор банка, где она работала, затеял реорганизацию, и ей пришлось перенести отпуск на октябрь. А жаль – июнь выдался просто чудесный. В отличие от прошлого года, когда стояла невыносимая жара, в этот год было градусов двадцать пять, с ветерком. Такая милая летняя погодка...

Как-то в пятницу, уже часов в семь вечера, она вышла с работы и заторопилась домой. День выдался тяжелым, начальство гоняло всех подряд... Хотелось принять теплый душ, быстренько приготовить что-нибудь, например, спагетти карбонара с беконом и сливками. Пару бокалов вина тоже не помешают... Юлька нежилась в душе, предвкушая домашнюю «пирушку», когда задребезжал мобильный. Мокрыми руками она схватилась за смартфон – Эдуард! Отвечать или нет?

– Да, Эдуард...

– Привет! Удобно?

– Не совсем, а что?

– Да я тут пригласить тебя хотел на одно интересное мероприятие...

– Ой, знаешь, я так вымоталась сегодня. Извини, не смогу....

– Подожди, подожди... не бросай трубку. С тебя ничего не потребуется, никаких усилий.

Здесь полным-полно вкусной еды, хорошее вино, симпатичная компания...

– А что за повод?

– Да как тебе сказать... день рождения у меня сегодня. Тридцатник!

– Поздравляю...

– Спасибо! Приедешь? Если да – мой водитель тебя заберет.

Юлька замешкалась.

– Не знаю даже... Я с работы пришла недавно, очень устала...

– Ну, вот и отдохнешь как раз.

– Я совершенно не готова к светской вылазке.

– Да не парься! Тут всё по-простому. Ну, давай, через час за тобой приедет моя машина.

Жду...

И бросил трубку.

Юлька встала под тёплый душ и задумалась. «Почему бы нет? Это всего лишь один вечер».

Кирилл не сразу понял, что семейная лодка дала трещину. Вернулись они с Данилкой из деревни на «позитиве» – довольные, загорелые. Притащили с собой кучу впечатлений и всяких забавных историй, которые возникали с ними в сельской глубинке. Пока Юлька колдовала на кухне, они вертелись вокруг неё, и наперебой рассказывали различные «приколы». Ужин прошёл весело – то и дело все трое лопались от смеха. Потом смотрели на ноутбуке фотографии из деревенского «турне». Данилка носился как угорелый по квартире, и стрелял из самодельного лука. Кирилл демонстрировал Юльке травы, которые бабуля передала на зиму: зверобой, мята, чабрец и т.д. Спать легли поздно, всё не могли наговориться.

Лишь через неделю Кирилл начал замечать странности за Юлькой. Она поставила пароль на своём смартфоне – «на случай потери или кражи». При этом, сам пароль мужу не сообщила. Накупила кучу платьев, довольно эффектных. Стала пропадать в SPA-салонах. Тратила кучу денег на дорогую косметику. Но главное – начала попрекать мужа «низкими доходами».

– Я хочу жить красиво! – заявила однажды Юлька.

Кирилл терялся в догадках: что с ней произошло за месяц, пока они не виделись? Он считал, что это «временное помешательство», и списывал на дурное влияние «зажравшихся»

подруг. Особенно его раздражала одна из них – Изабелла, жена директора нефтяной компании, которая кичилась своим богатством и постоянно вытягивала Юльку на какие-то светские тусовки. Чтобы немного привести жену в чувство, Кирилл решил... подарить ей шубу. Он как раз закончил одну «левую» работенку, клиент щедро оплатил его услуги. Ещё сто тысяч Кирилл одолжил у школьного друга, Борьки Власова – владельца автосервиса. Однако Юлька, на удивление, отказалась идти в меховой бутик, и вообще устроила ему разнос, что он сорит деньгами, вместо того, чтобы копить на «трёшку» в новостройке. Обстановка в семье накалялась с каждым днем. Кирилл сам стал психовать по поводу и без. Если убрать частности, он бесился, что его «милая, домашняя Юлька» на глазах превращалась в оголтелую стерву. «Что с ней творится? – спрашивал он себя. – Или все они такие становятся со временем?». Кирилла просветил Борька, сообщив однажды вечером по WhatsApp:

– Твоя жена сидит с каким-то фраером в «Бакинском двореке». Можешь съездить, убедиться...

Кирилл не поехал. Он решил дожидаться Юльку дома. Отправил Данилку к теще. Вырубил свет в комнатах, открыл бутылку коньяка и прямо так, без закуски, стал планомерно надираться. Ближе к одиннадцати услышал, как хлопнула входная дверь. Юлька заявила тоже слегка «навеселе»:

– Спите уже? Я немного задержалась у...

– Где моталась? – оборвал её Кирилл.

– В смысле?

– Я спрашиваю: где моталась?

– Ты пьян?

– Отвечай на вопрос!

– Отвали!

– Кто он? С кем ты сегодня была в «Бакинском двореке»?

Юлька притихла, задумалась.

– Нам надо поговорить, завтра утром, на трезвую голову – наконец произнесла она.

– Давай сейчас, чего тянуть?

– Ты не поймешь...

– Почему же? Говори...

– Хорошо, скажу, если настаиваешь. Я люблю другого. Ты его знаешь. Это Эдуард – отец Данилки.

Кирилл взбеленился.

– Какой он на хрен отец? Я – отец!

– Я имела ввиду, биологический. Прости...

– И давно у тебя с ним?

– Недавно... Я пыталась победить это чувство, но...

– Мы разводимся! – отрезал Кирилл и ушел в одних тапках на улицу.

...Прошло две недели. Кирилл переехал к матери, которая жила в другой части города, в однокомнатной квартирке. Здесь он обосновался временно, планируя снимать жилье где-нибудь в центре. Юлке он не звонил, на её вызовы не отвечал. Заявление о расторжении брака мирно дожидалось своей очереди в городском ЗАГСе.

– Помирились бы – выговаривала ему мать. – Сколько лет уже вместе, пора бы и привыкнуть. Ну, поссорились – эка невидаль! У нас с отцом, пока живой был, тоже всякое случалось. И скандалили, и выпивал он... я терпела. Так и жили до старости. О себе не думайте – о ребенке подумайте. Ему-то как разрываться между вами?

– Ма, не надо... – ушел от разговора Кирилл. Ему и так было муторно. Тоска такая – хоть волком вой. Он подождал, пока мать ляжет спать, ушел на кухню, и в полной темноте смотрел в ночное окно. Всё думал: «Как они там, без меня?».

И тут раздался стук в дверь...

– Здорово, племян! Узнаешь? – на пороге стоял пожилой, низкорослый, сутулый мужик, в котором Кирилл узнал дядю Гришу, брата матери.

– Здравствуйте! – удивился Кирилл. – Неожиданно...

– Да знаю! Я сразу с поезда сюда двинул. Мать-то спит уже, поди?

– Да, прилегла...разбудить?

– Не надо! Мы тут сами разберемся.

Дядя Гриша поставил рюкзак на пол, снял ботинки, огляделся.

– Ну, пройдемте тогда на кухню... – пригласил Кирилл. – Чай будете? Или кофе может?

– Тебе завтра на работу? – спросил дядя Гриша и воровато прищурился.

– Нет, завтра же суббота...выходной.

– Вот и славно! Давай-ка, племян, сообразим по-маленькой? Посидим, потолкуем. Да дверь-то кухонную прикрой. А то мать разбудим...

Дядя Гриша жил в Горно-Алтайске, в Западной Сибири. Он вырос в многодетной семье. Закончил «восьмилетку», и рванул на мебельную фабрику. Уж больно ему хотелось иметь свою «копейку» в кармане и поскорее вырваться из родительского дома, где народу было, как на базарной площади в красный день. Он мечтал жить самостоятельно.

Поначалу все складывалось недурно. Завод выделил ему койку в «общаге». Григорий стал зарабатывать, прикупил себе одежду, модные джинсы, а то все ходил в одних штанах. В «общаге» познакомился с красавицей Людкой, она работала бухгалтером на фабрике. Дело шло к свадьбе. Потихоньку откладывали деньги на торжество.

Но тут подвернулась возможность заработать «по-крупному». Один дружок предложил ему грабануть квартиру директора рынка. Он сначала воспринял это как шутку, и послал дружка подальше. Вдруг Людка заявила, что хочет пышную свадьбу – на «Волгах», в хорошем ресторане, с кучей народа. Григорий же был за то, чтобы «посидеть по-семейному», в узком кругу, тихо-мирно.

– Я выхожу замуж один раз и на всю жизнь! – с вызовом бросила она. – Я хочу, чтобы свадьба гремела на весь район. Ты сам подумай...Такую красавицу в жены берешь, не стыдно «копейничать»? Ведь есть и другие претенденты...Ждут – не дождутся.

Тут-то Гришка и вспомнил дружка. Вместе разработали план, у приятеля был кое-какой опыт в этом деле, тот ещё в юности «бомбил» сельмаги. На дело вышли, как водится, ночью. Проникли в квартиру директора, взяли ювелирку и смылись. Вскоре толкнули золотые серьги с бриллиантами и несколько колечек «сбытчику» из соседнего района. На том и погорели – через неделю «сбытчика» повязали опера, тот раскололся...Гришку вытащили поутру, прямо из постели невесты.

Дали шесть лет. Наказание отбывал в Красноярском крае. Напахался за целую роту. Вышел – страны не узнал. Вовсю гремели ельцинские «реформы». Стали закрываться фабрики, заводы. Грянула безработица. Чтобы прокормиться, Гришка не чурался никакой работы: копал могилы, шабашил на стройках, разгружал вагоны...Звали в «братки» – не пошёл, за что однажды отхватил «по-полной». Со временем приноровился к плотницкому делу. Вместе с приятелем обшивали балконы населению, строили дома из бруса, беседки. Подкопил Гришка денег и взял простенькую дачку с шестью сотками да насаждениями. Сразу перебрался туда из «общаги», стал своими руками возводить кирпичный дом со всеми удобствами. Семьей он так и не обзавелся, коротал бобылем. Сходил пару раз с разведенками, но не срослось.

Дядя Гриша достал из рюкзака соленья, колбасу и бутылку «перцовки»:

– Поставь-ка в холодильник «пузырёк». Пусть охладится малость. Вот свои соленья привёз, попробуй, с моего огородика. Особенно огурцы удались нынче, прямо тают во рту...

Кирилл стал накрывать на стол. Наконец, расположились, налили по рюмке.

– Ну, давай за встречу! – предложил дядя Гриша. – Сколько лет не виделись. Я тебя ещё мальцом помню. Вымахал ты, однако...

– За встречу! – поддержал Кирилл, и опрокинул в себя полную рюмку.

Закусили огурчиками, похрумливали.

– Наслышал я про твои беды, Кирюха... – вдруг сказал дядя Гриша. – Мать давеча звонила, плакала. Совета спрашивала. Вот я и решил – сюда рвануть, потолковать с тобой за жизнь. Налей-ка ещё по-полной, не жадись.

Хлопнули «по-рюмашке».

– Хороша, зараза! – отметил дядя Гриша, закусывая кружком колбасы. – Ну, а теперь рассказывай: что стряслось?

Кирилл давно хотел выговориться, раскрыть душу: но кому? У друзей своих проблем «до кучи», долго слушать не станут, посоветуют просто «забыть стерву и не париться». А то ещё посмеиваться станут – нет, не в глаза, конечно, а между собой, под «пивко». Матери тем более ничего не расскажешь. Нервы у неё слабые, переживать начнёт, изводить себя и сына. Так и ходил Кирилл со своей душевной болью, как с мешком соли. Поэтому слова дяди Гриши нашли у него живой отклик.

– Познакомились в институте... – начал Кирилл издалека.

Рассказывал долго, обстоятельно – всё что накопилось за эти месяцы, зрело, гнило, болело. Дядя Гриша иногда вскакивал и ходил по кухне, слушал. Смолил «Оптиму» в распахнутое окно. Слушал внимательно, не перебивал. Задавал вопросы, когда было непонятно. Сидели долго. Выпивали, закусывали. Даже смеялись – Кирилл принес ноутбук, и показывал семейные фотографии: Данилку, Юльку...

– Красивая у тебя баба! – одобрил дядя Гриша. – И пацан на тебя похож.

Затем Кирилл перешел к юлькиному «хахалю». Он успел навести про него кое-какие справки. Помогла подруга Юльки – Изабелла, которая просвещала Кирилла в одной из модных кафешек, куда он пригласил её на разговор.

– Кирилл, они – прекрасная пара! У них такая любовь... – закатила глаза Изабелла. – И потом, Эдуард – отец ребенка!

Кирилл её тогда чуть не придушил. Сидел, как оплеванный. После этого «диалога» пил три дня, ладно, мать его тогда пристыдила – так бы запил «по-черному». Душа просила...

– В общем, так – веско сказал дядя Гриша, когда Кирилл закончил свой рассказ. – Раскисать тебе сейчас не резон. За бабу надо бороться. Любишь её? Любишь... Значит, не мямли. Заявление из ЗАГСа заведи. Вообще, приведи себя в порядок, соберись!

– Не все так просто... – замялся Кирилл.

– Ладно, айда «по-последней» и на «боковую»! Светает уже...

«Как же ему помочь-то? – ломал голову дядя Гриша, покуривая ранним утром на лестничной площадке. – Баба, понятное дело, дуркует. Всё при ней – муж, сын, квартира, обстановка, живут-не бедствуют. Чего надо? Ну, встретился бывший фраер.... Да пошли ты к ебням! Нет, куда там! Старая любовь, бляха-муха! Богатенький буратино еще попался. Наверное, сытит деньгами направо-налево. Колечки там всякие покупает, браслетики... В рестораны водит. Баба и рада-радешенька. До сладкой жизни дорвалась, дура. А семья побоку. Кирюха ходит, мается. Как бы дров не наломал сгоряча. Тут нужна холодная башка! Тут всё обмозговать надо...»

– Слушай, племян, а давай к твоим слетаем! – предложил дядя Гриша в обед. – Ты сына сколько уже не видел?

- Давно... – вздохнул Кирилл.
- Нельзя так! Скучает же по тебе, пацан. Он-то в чём провинился?
- Да я «эту» не хочу видеть...
- Брось, она всё-таки тебе жена. Съездим на часок-другой.
- Правильно, Григорий – встряла в разговор мать. – Мириться вам надо. Съездили бы, в самом деле. Гордый какой...
- Ну, ты же не знаешь всего! – взъелся Кирилл на мать. – Всё у тебя просто. Поссорились-помирились. Здесь принципиальный вопрос!
- Ладно, шут с тобой! – махнул рукой дядя Гриша. – Сам съезжу, повидаясь с твоими, малыцу хоть игрушку куплю. Как туда проехать?
- Мать объяснила. Дядя Гриша стал собираться, придирчиво оглядел себя в зеркале.
- Кирюха, галстук у тебя есть?
- Какой именно?
- Да любой, только не желтый.
- Галстук под рубашу надо выбирать – посоветовала мать. – У тебя она синяя, значит, галстук нужен синий, в полоску или в крапинку.
- Скажи, ещё в горошек – съязвил Кирилл откуда-то из спальни. Вскоре он вынес целую армаду галстуков всех расцветок.
- У тебя, как в магазине – посмеялся дядя Гриша. – Ну-ка, дай этот примерю...

Через полчаса он уже ходил по гипермаркету, присматривал игрушку. Выбрал футбольный мяч. «С отцом будут гонять во дворе» – подумал дядя Гриша. На такси подъехал к дому, где жила семья Кирилла. Присел на лавочку, закурил не спеша.

Чутко волновался. Всё-таки, это не дрова колоть. «Тут людская разладица. Здесь нужно проявить, как её? Деловитость... Нет, не то... Деликатность!». Он закурил «вторую», мысленно прикидывая, как зайдёт в квартиру, что скажет.

Затем пешком поднялся на третий этаж, осторожно постучал в дверь. Никто не открывал. «Дома что ли никого? Может, не одна она. А с этим милуется... Вот и сходил в гости, японский городской!». Дядя Гриша нажал на звонок несколько раз – сильно, с чувством. Вдруг за дверью слышались торопливые шаги.

- Кто? – спросил женский голос.
- От Кирилла это... Дядька его. Григорий Семенович.
- Дверь открылась. Юлька в домашнем халатике вопросительно уставилась на дядю Гришу:
- В дом пустите? – спросил он.
- Да, конечно, заходите... У меня тут уборка вовсю. Прошу прощения за бардак. Скоро закончу, подождите немного.
- Ничего, я привыкший. Сам виноват – пришёл без спроса. Я на пять минут заскочил, не бойтесь.

Дядя Гриша демонстративно вытер ноги об коврик, но обувь снимать не стал. Всё-таки, в комнаты не приглашали. Вдруг откуда-то из-за стенки выглянул мальчик, и внимательно стал рассматривать гостя.

- Здорово! Как звать? – улыбнулся дядя Гриша. – Давай знакомиться!
- Данил, поздоровайся с дядей! – сказала мать.
- Мальчик вышел из-за стены и подошёл к дяде Грише.
- Здравствуйте...
- Дай пять! Будем знакомы – дядя Гриша. Тебя, стало быть, Данилом звать? На, держи, подарок! Будете с отцом играть...
- Юлька включила пылесос.

– Вы бы прошли пока в зал – закричала она из спальни. – Данил, покажи дяде свои игрушки. Телевизор включи.

Через десять минут Юлька поскорее закончила уборку, и пригласила дядю Гришу на кухню.

– Пойдёмте, чай попьем с печеньями!

– Можно...

– Данил сиди здесь, играй. Потом в «Макдональдс» сходим, поедим чизбургеров.

Прошли на кухню. Юлька разлила чай.

– Берите сахар, не стесняйтесь!

– Спасибо...

– У вас, как я понимаю, ко мне разговор какой-то есть?

– Что ж, верно... – дядя Гриша сделал пару глотков. – Хорош чаёк!

– Лимон дать?

– Нет, спасибо, Юлия... как вас, по-батюшке?

– Сергеевна. Можно просто Юля.

– Пришёл я поговорить с вами, Юлия Сергеевна. Кириллу – я не чужой. Отца-то у него нет, помер лет десять назад. Ну вот, я навроде отца что ли, сейчас. В том смысле, что отвечаю за Кирилла, перед матерью его, Надеждой Ивановной. Брат я ей старший. За всех них отвечаю, пред отцом его покойным, Фёдором... – дядя Гриша понял, что говорит бессвязно, бесстолково. Он заметно волновался, нужные слова всё никак не приходили на язык.

– Может, рюмочку? – вдруг предложила Юлька. – Тут подруга коньяк принесла хороший... Ещё осталось.

– Да неудобно как-то... – замялся дядя Гриша.

Юлька вскочила и достала из холодильника бутылку «Араката», порезала сыр, лимончик.

– Ну, за знакомство! – поднял тост дядя Гриша. «А, неплохая она баба!» – отметил про себя.

– Пейте ещё. Не стесняйтесь.

– Это успеется... Ну, разве ещё рюмочку. Для тонуса, так сказать.

– Вы говорите, говорите... Я слушаю.

– Что я хотел сказать, Юлия Сергеевна – дядя Гриша глянул ей прямо в глаза. – Любит он вас, Кирилл-то... Крепко любит. Вот мы говорим здесь, а он ходит, переживает. Места себе не находит. Мать его тоже извелась, не спит по ночам. Разве это дело? Семья у вас дружная, хорошая семья. Кирюха показывал фотографии. Где только не бывали. За границей, на море... Санатории всякие объездили. Мне вот не довелось побывать на курортах-то. Другие были курорты... да ладно, сейчас не обо мне речь. Так вот – к чему я? Помириться бы вам. Небось, самой тоже несладко? Сколько лет прожили вместе...

Юлька встала и отвернулась к окну. Всклипнула. Дядя Гриша плеснул себе «полную», хлопнул без закуси. Помолчали.

– Почему он сам не пришёл? – спросила, наконец, Юлька.

– Обидела ты его, крепко – незаметно для себя, дядя Гриша перешёл на «ты». – Другой бы на его месте запил по-черному, или чего доброго, за нож схватился, пошел бы махать. А твой себя поедом ест. Переживаю я за парня. Всяко может случиться... Как бы в петлю не полез.

Юлька испуганно взглянула на дядю Гришу.

– А он что, пытался?

– К счастью, нет пока. Но кто знает, что у него на уме? Интеллигенция – сложный народ. Молчит себе, страдает потихоньку. А потом – раз! – и нет человека. Проглядели! Вон, Есенин...

– Мы с Кириллом отделились друг от друга – перебила его Юлька. – Последний месяц жили, как чужие. Я чувствовала, что всё идёт к разрыву...

– Да чего вам не жилось-то? – воскликнул дядя Гриша. – Оба молодые, здоровые! Квартира, вон какая! Пацан у вас растёт. Деньжата есть. Живи-радуйся!

– Дело не в деньгах....

– А в чём?

– Это трудно объяснить. Каждая женщина нуждается в любви. Кирилл, безусловно, любил меня. Носил на руках все эти годы. Однако я не испытывала к нему такого же чувства. То есть я его ценила, уважала, заботилась... Но вот чтоб любить. Недавно я встретила одного человека... студенческую любовь, отца Данила. И поняла, что сердце не обманешь.

– Ясно, понятно... – дядя Гриша потянулся за бутылкой. – Ты мне только скажи: мужу твоему, что сейчас делать? Как дальше жить?

– Я не вправе ему давать советы...

– Нет, вправе! – дядя Гриша шарахнул кулаком по столу, и зло закинул в глотку коньяк. – Ты – его жена, была, есть, и будешь!

– Послушайте, какое вы имеете право указывать мне...

– А такое, милая, что я ему-за отца сейчас! И уж ты меня послушай, девонька, потерпи чуток... Пожил я на белом свете немало, людей повидал всяких-разных. Свои университеты за уральским хребтом кончал, на лесоповале. То мороз под пятьдесят, то жарыща, как в парной. Ещё гнус лютует, не даёт скучать. И вот что я тебе скажу: таких, как твой Кирилл по пальцам пересчитать. Он за тебя – в огонь, и в воду. Хорошего люда – его мало, его беречь надо. Думаешь, нашла другого, получше? Как звать-то того?

– Неважно...

– Проехали. Вот тебе кажется, он – твоя судьба. Старая любовь не ржавеет, и всё такое. А кто он, по сути, этот «деятель»? Папенькин сынок, избалованный сопляк. Привык, на всём готовеньком. Хозяин жизни... Девочки вокруг него вертятся, глазки строят. Денег куры не клюют. Такой предаст – глазом не моргнёт. Ещё посмеётся над тобой. Любовь... Один раз эта любовь тебя чуть в могилу не свела. А Кирюха тебя спас! Помни об этом, девка...

– Вы закончили?

– Всё, пошёл я. Провожать не надо. Спасибо за угощение!

Дядя Гриша заглянул в зал.

– Пока, Данилка!

– До свиданья!

Юлька открыла дверь:

– До свиданья... Спасибо за компанию, Григорий... ммм...

– Семенович... Ну, прощай!... Приезжайте ко мне в гости, в Горно-Алтайск. Всем семейством. Тут ехать-то...

По дороге дядя Гриша заскочил в «разливашку», накатил холодненького пивка с рыбкой. Походил по городу. Приехал домой уже поздним вечером, на такси. Кирилл с матерью встретили его во дворе. Видно, давно ждали, дома им не сиделось.

– Ну как там? – спросили они хором.

– Поговорили! – дядю Гришу слегка штормило. – Ты это, Кирюха, завтра съезди к своим! Не тyani!

– Да ты сядь, расскажи по-человечески! – осадила его мать. – Мы тут извелись, пока тебя ждали.

Дядя Гриша закурил на лавочке, принялся рассказывать. Вдруг у Кирилла зазвонил мобильный.

– Привет! – сказал знакомый голос. – Не спишь ещё? Я соскучилась...

ДАЧНИКИ

Весна пришла ранняя, дружная. Прогулялась по полям, по лесам будто пьяная баба, с веселого застолья. Везде-то она шумела, смеялась и приплясывала. Ждал её Макарыч с большим нетерпением. Оно понятно – всю зиму «гостевал» на даче, намёрзся. Хоть и печка в доме, и пластиковые окна повсюду, но и морозец-то был ого-го.

Скоро сошёл снежок, заиграло весеннее солнышко и глядь – народ из города повалил. Первым Аникин со своей бабой приехал, в середине марта. Потом Никитины подтянулись в апреле. Зимой-то на ихней улице тихо и тоскливо. Макарыч навроде сторожа ходит, осматривает домишки, одиноко... А тут – пожалуйста, зашумела улочка! Один только Ладыгин чего стоит, мат-перемат на всю округу – это он так крышу ремонтирует.

– Наконец, послушать есть кого! – идёт к нему с сигареткой наперевес Макарыч. – Ну, чего нового у вас в городе, рассказывай?

Себя Макарыч городским не считает. Как никак – уже третий год проживает на даче. Вообще-то, у него есть вполне приличная городская квартира. Однако... остался он на старость лет, можно сказать, без жилья. Как получилось? После того, как жену схоронил, его сын Богдан вернулся из Москвы. Там он пытался «зацепиться» за какую-нибудь бабёнку со связями, чтобы потом выгодно жениться и сделать успешную карьеру. Но чего-то там не срослось, и потрёпанный столицей Богдан подался в родной городишко. Здесь его ждал осунувшийся от горя отец и... трехкомнатная.

– Не бойсь, батя, вместе не пропадём! – обнадежил сын. – Прорвёмся!

Богдан окунулся в рекламный бизнес. Денег в дом не приносил, зато тянул с отца будь здоров, благо Макарыч, акромя пенсии, еще трудился на мебельной фабрике.

– Я верну, ты записывай! – строго предупреждал Богдан. – Мне на оборудование надо.

Впрочем, так ни разу и не сдержал своё слово. Всё только рубрики занимал у родителя. Через год новоиспеченный бизнесмен привёл в дом невесту.

– Это моя Моника – представил отцу честь по чести.

– Интересное имя, ни разу не слышал – сказал Макарыч, не зная, что еще говорить в такой ситуации. Эх, была бы жива Антонина, та бы не растерялась, уж нашла бы, что сказать... Макарыч украдкой смахнул слезу.

Так и зажили. «Молодые» после свадьбы принялись обустраивать любовное гнездышко. Замахнулись на евроремонт. Моника пригласила свою подругу-дизайнера. Ходили с важным видом по комнатам, кроили всё на свой манер. Делали какие-то пометки. Макарыч сидел на диване, глазел в телевизор. Его мнением никто не интересовался, он и помалкивал.

– А вот кладовку лучше снести и сделать здесь небольшую комнатку – предложила дизайнер. – Сюда можно поселить вашего папу.

Макарыч оторвался от телека.

– Что ж, я в кладовке, буду жить? Хорошо, хоть не в антресоли, спасибо...

– Батя, не обострай! – накинудся коршуном Богдан. – Для тебя же стараемся. Сколько можно в «совке» маяться? Не надоело?

– Делайте чё хотите! Вы – молодые, всё знаете. Никто вам не указ – Макарыч бросил пульт на диван и засобирался куда-то.

– Ну зачем вы так? – надула губки Моника. – Неужели не хочется, как в Лондоне?

– Да ну его! – окрысился Богдан. – Только настроение портит.

Макарыч направился в соседний дом, где жил его давний приятель Лёнчик. Вместе работали на мебельной фабрике, с одного цеха. Обоим уж было далеко за «полтинник».

– Здорово! Что без настроения? – сразу заметил друг.

– Дааа... – махнул рукой Макарыч. – Со своими поскандалил.

– Чего так?

– Евроремонт собираются делать. Сейчас ходят, смотрят, где, что ломать. Бабу какую-то привели, та всё фотографирует, советы раздаёт. Меня, естественно, никто не спрашивает. Сижу, как чурбан. Нет, чтобы спросили сперва: «Батя, а ты как думаешь? Это туда или сюда?».

– Дела... – промолвил Лёнчик. – Давай «по-маленькой» что ли? Посидим, обмозгуем.

С того вечера, Макарыч стал чувствовать себя лишним в своём доме. Нет, конечно, у него и до того было ощущение, что «молодым» он в тягость. Уж больно натянуто улыбалась Моника, и вообще была чересчур вежливая, фальшивая. Богдан иной раз смотрел волком, словно мечтал избавиться поскорее от отца. Впрочем, в скандалы это не выливалось. А тут с грандиозным ремонтом всё вылезло наружу. «Молодые» почти не разговаривали с ним. Шушукались у себя в комнате, или на кухне. А стоило Макарычу зайти в прихожку, тут же замолкали, словно при виде вражеского агента.

– Говорите, чего я вам мешаю? – сказал он однажды в сердцах. – Нужны мне ваши секреты, как собаке пятая нога...

– Да ты сейчас услышишь, а потом пойдёшь к своим «васькам», «петькам» – пророчил Богдан. – За бутылкой чего только не расскажешь. Уж я знаю, проходили...

– Чего ты знаешь? Как с отца деньги тянуть?

– Я же сказал – верну! Дай на ноги встать. Мы сейчас только кредит на ремонт оформили.

– Кому он нужен ваш евроремонт? – заявил Макарыч. – Поклеили бы новые обои, и ладно. С пяток лет прожили бы, ничего. Нет, им всё сразу подавай! Дурью маетесь.

– Убирайся отсюда! – заорал Богдан.

– Вы нам только мешаете! – заорала его баба.

– Ах, вон оно что...

Макарыч собрал наскоро вещи и заночевал у Лёнчика. А уже поутру уехал на дачу. Аккурат на дворе стоял май месяц – впереди всё лето. За это время, вместе с мужиками утеплил дом, собрал печку, обжился. И вот уже третий год называл себя не иначе как «деревенским».

– Какой я тебе дачник? – сказал как-то раз соседу Ладыгину. – Это вы, городские, дачники. Приедете на выходные, ягоды собрать да в бане задницы попарить. Ну, еще наливочку отведать. Всего и делов. А у меня, считай, сколько забот: дрова на зиму заготовить, утеплитель по всему дому подновить, дымоход прочистить... Да мало ли. Самый что ни на есть деревенский уклад.

– Так что тебя «деревенским» теперь величать? – усмехнулся Ладыгин.

– А чего нет? Корни мои знаешь откуда? Я же в селе родился, в Ивановской области. Может, слышал, Крапивново, Тейковский район?

– Какой! Этих сёл в России – тьма. И крапивные, и всякие. С сыном-то видишься? Не зовёт к себе?

– Да виделись, когда внук родился. Общнулись малость. А вообще... как чужие. Они там сами по себе, я не лезу. Мотаюсь в город только за продуктами.

Первый год Макарыч еще ездил на работу, на старенькой «копейке». Потом, мебельная фабрика стала банкротом, всех поувольняли. Куда податься? Кто ждёт? В городе итак с работой была напряженка, а уж пенсионеров тем более «не рассматривали».

С тех пор и осел он окончательно, в дачном обществе, то бишь, «деревеньке».

Напротив дома Макарыча жили Чувиловы, молодая семья. Приезжали на лето, вместе с детьми. Работой себя не утруждали. То шашлычок затеют, то баньку затопят, то игры придумают. На участке чего только нет: беседка, надувной бассейн, большие качели, шезлонги. Даже баскетбольную стойку притащили. Весело проводили время. Весь день слышался смех да шутки. Иной раз Макарыч нет-нет, да выглянет посмотреть, чего это они там хохочут. Заборчик-то у них декоративный, одно название.

Глава семейства, Михаил, был бизнесменом средней руки. Занимался строительством тентовых ангаров. Судя по всему, зашибал неплохо. Дачный домик, как из рекламного буклета, на зависть соседям. У самого – крутой внедорожник – «Toyota Land Cruiser». У его жены – иномарка.

– Буржуи... – обзывал их Аникин, поигрывая стамеской – Ничего, придёт наше время. Посчитаемся.

– Нормальные люди, приветливые – с пылом возражал Макарыч. – Меня сколько раз угощали. Шашлык, коньячок...

– Ты и рад-стараться, продался с потрохами.

– Иди ты! Нашелся, коммунист. Сам-то всю жизнь в кабинетах просидел, бумаги перекладывал.

– Сравнил! Я же кадровик был, а не ворюга, как этот. Три участка под себя подмял. Мало ему шесть соток.

– Михаил-то, ворюга? У него техническое образование. Ангара делает. Я как-то ездил к нему на производство, видел. В цехах – порядок, чистота. А к тебе в дом зайти страшно. Развёл бардак.

– Ну хрен с ним, с твоим Михаилом. Пушай живёт. Придет наше времечко...

Ждал Макарыч веселое семейство и этой весной. Думал, приедут на майские, как обычно. Пару раз ему показалось, что доносится детский смех, кажется, с их участка. Присмотрелся, прислушался – да нет, почудилось старому. Никогошеньки.

– Должно быть, у Михаила сейчас аврал – подумал Макарыч. – А дети еще учатся. Май же только. Куда торопиться? Всё лето впереди.

Но и в июне они не приехали. Красивый домик Чувиловых одиноко стоял за ажурным деревянным заборчиком, словно заброшенная усадьба. Макарыч ломал голову – куда же они подевались, ёлки зеленые? На курорт что ли махнули? В какую-нибудь Турцию. А дача, значит, побоку. Тут делов неспорно. Травы вонросло, по самые... Эх, ребята, ребята. Там за морями, о родной сторонке-то не забывайте.

Наконец, Макарыч решил поспрашивать соседей – может, кто знает? Взял наливочку и направился вечером к Никитиным. Те общались со многими и были в курсе всех дачных новостей.

– Чё-то, соседушек наших не видать – как бы между делом, спросил Макарыч, разливая по рюмочкам. – Кто сорняки полоть будет?

– Им сейчас не до сорняков – сказал Федор, хитро подмигивая жене. – Подробности не знаю, но слышал, что у этого Чувилова...ну и фамилия, бляха-муха...что у Чувилова твоего проблемы с законом. Налоги что ли какие-то не заплатил. В общем, взялись за него крепко. Ему сейчас срок светит. А ты говоришь, сорняки. Насмешил, мужик.

– Вот жизнь... – только и сказал Макарыч, доставая сигареты.

– Иди-ка, погуляй! – настойчиво попросил Фёдор свою бабу. – К Маринке сходи, проведи. Она «весёлая», небось, уже? Зараза...

Подождал, пока останутся вдвоём. Подсел поближе.

– Я вот думаю, Макарыч, наведаться на участок буржуя. Так, ради любопытства. Аникин уже туда шастал.

– Чё он там забыл?

– Сдаётся, мне инструменты искал. Мы бы тоже могли слетать «на разведку». Пошуровать маленько в сарайчике. А то и в дом заглянуть.

– Да я сроду чужое не брал.

– Гляди, промаешься со своей честностью. Аникин все инструменты перетаскает. Потом локти будешь кусать. Ты пойми: человек сегодня-завтра за решеткой окажется. Дача «подешевке», а то и задарма достанется какому-нибудь ушлому, менту или адвокату. Поэтому

пока суть да дело, пользуйся моментом. Бери, хватай! Не сегодня-завтра нагрянут с обыском, опечатают, не подлезешь. А по осени, слышь... бомжи или цыгане залезут, да растащат всё до последнего гвоздика. У тебя из-под носа. Ещё и к тебе наведаются, «за компанию».

– А не звездишь ли ты, сосед? – отодвинулся от назойливого собеседника Макарыч. – Мало ли кого на допросы таскают? Может, свидетелем он проходит? Ты же не знаешь, наверняка. Или статья у него – мягкая. Дадут «условку», ну, или штраф какой-нибудь наложат. Сейчас по экономическим послабления вносятся. В новостях передавали. А ты ему уже приговор вынес, по всей строгости. Прокурор хренов...

– Хэт, дурак! Забыл, где живём? Раз уж взялись трясти – не отстанут.

На следующее утро Макарыч пошёл к Аникину, на «воспитательную беседу».

– Говорят, ты никак к Чувиловым в гости ходишь? По ночам...

– Кто говорит-то? – забежали глазёнки у Аникина. – Добрые люди спят по ночам, а не шпионят за соседями. Скоро уже пукнуть не дадут у себя в доме. Развели бдительность.

– Так было, нет? Трава там на участке примятая. Видно, ходил кто-то. «Помогал» по соседски.

– А я причём? Если на то пошло, и с тебя можно спросить. Не ты ли позарился на чужое добро?

– Тут многие, смотрю, перевозбудились. А статью за хищение чужого имущества, между прочим, еще никто не отменял.

Аникин напрягся.

– Чё это ты опером заделался?

– Не люблю, когда у своих крысятничают.

– Сказанул! Они что ли тебе – свои? Буржуи?

– Нужно всегда оставаться людьми – осадил его Макарыч. – Жизнь любого может шибануть. Завтра у тебя, допустим, баня сгорит. Начнешь отстраиваться. Что, я не помогу по-братски? Ты сколько раз у меня инструмент брал?

– Ладно, чего там – пробурчал Аникин. – Погорячились маленько, оба хороши. С утра в магазине поцапался с одной. Стоит, выбирает три часа. Погода еще дурацкая...

Макарыч решил для себя так – отгонять мародеров, пока хозяева не объявятся. Он ни перед кем сроду не выслуживался, но был за порядок. Ещё батя учил его с малых лет: не твоё – не тронь! Тому же учили в школе, в армии... Вон в 90-ые дали «свободы», и пошло-поехало. На дачное общество регулярно совершались налеты. Вырывали двери, били окна, выносили всё подряд. А на память о себе могли наложить кучу посреди хозяйского стола. Один раз Макарыч шуганул «залетных», которые по осени вломились к нему «на огонёк». Благо, от отца у него осталась старенькая «двустволка» да коробка с патронами. Пальнул разок, на испуг – «гостеньки» и дали дёру.

Теперь, кроме своего хозяйства, приглядывал еще за домом Чувиловых.

– Ты у них навроде сторожевого пса что ли? – подначивал его Никитин. – Так они тебе даже «спасибо» не скажут. Кто ты им есть?

Июльским вечером Макарыч возился с бражкой в прихожей, как слышал шум на улице. Выглянул наружу – Чувиловы! Явились, не запыхались!

– Долго ехали – пошутил Макарыч, и присмотрелся. Михаила не видать, только жена Оксана с детьми. Машина – простенькая «четырка».

– Здравствуйте...

Чувиловы вытащили из багажника вещички и пошли в дом. По всему было видно, что Оксана не настроена на беседу. Вся какая-то сутулая, поникшая. Дети, Вовка да Леночка, тоже без настроения, молчаливые и угрюмые. Не сравнить с теми «чертятами», что бегали здесь прошлым летом.

– Неужто Михаила «закрыли»? – гадал Макарыч.

Напрямки бы спросить, да неудобно. Рано утречком взял косу и пошёл к Чувилковым, на борьбу с сорняками. Весь участок зарос крапивой да пыреем. Как не подсобить? Макарыч деловито открыл соседскую калитку и оценил «фронт работ». Пятнадцать соток, без малого.

– До жары управлюсь – подумал он и весело взялся за дело.

Прошёл час, другой... Народ потихоньку стал просыпаться. Мимо протопал Никитин с пустыми баллонами – собрался в магазин, за пивом. Неодобрительно покачал головой, усмехнулся:

– Припахали, сосед? Сколько, нынче, подсобникам плотют? Или за так распинаешься?

– Всё лучше, чем с утра похмеляться – умыл его Макарыч.

Работа спорилась. Постепенно одичавший участок превращался в английский газон. Смотреть любо-дорого.

– Доброе утро, Макарыч! – окликнула его Оксана, высунувшись из окна. – Сколько я вам должна?

– Да брось ты, какие между нами счёты? Я же помочь, по-соседски.

– Нет, я так не могу. Вы столько сделали.

– Ну, чайком угостишь и будет.

– Сейчас соберу на стол, вы пока руки мойте.

– Погоди, закончу. Тут осталось-то...

Вовка и Леночка выбежали из дома, плюхнулись на шезлонг и стали наблюдать за Макарычем. Тот работал, как заведенный, будто с малых лет крестьянствовал.

Наступил полдень. Уже вовсю припекало. Макарыч кликнул детей и вместе с ними прошёл в дом Чувилковых, на кухню. Оксана приготовила нехитрый обед: салат из помидор и огурцов, жареная картошка, квас.

– Проходите, садитесь. Я уж по-простому.

– Самое то! – похвалил Макарыч, добродушно поглядывая на стол. – Хух, ну и лето нынче выдалось. Жарища! Говорят, и в августе будет «парилка». А куда деваться?

– В городе вообще не продохнуть. Здесь полегче всё-таки.

– Сельская местность, как никак. Разве сравнить? Экология тут совсем иная.

– Вы нас, конечно, выручили. Я бы с этими зарослями на справилась сама.

– У меня к вам просьба, Оксана. Пусть трава полежит маленько, пару-тройку дней, подвялиться, я заберу попозже. Вам-то она ни к чему или нужна?

– Забирайте, куда её нам?

– Добро, перевезу на тачке потихоньку – Макарыч хлебнул кваску, и спросил, как бы между делом. – А Михаил-то где?

Оксана с тревогой глянула на детей.

– Поешьте, и бегите на веранду, играйтесь.

Макарыч понял, что не вовремя полез с вопросами. Кто за язык тянул? Когда Вовка с Леночкой умчались из кухни, Оксана прикрыла дверь и тихонько сказала:

– Пропал Михаил. Уже месяц не выходит на связь.

– Да как так? С чего вдруг? – опешил Макарыч.

– Только между нами. Я вам доверяю, почему-то.

– Спасибо. В трепачах никогда не значился.

– Всё началось еще в том году, осенью. Один чиновник из области...не буду называть его имя...попросил Михаила сделать ангара для какой-то компании, из Мурманска. Причём просил изготовить их пока за счёт предприятия. Обещал, что потом приедут ребята с «наличкой», всё заплатят. Также посулил госзаказы на этот год. Михаил согласился.

– Попробуй отказать. Себе дороже – понятливо кивнул Макарыч.

– В общем, работа была выполнена, а деньги так и не поступили. С новыми заказами чиновник тоже нас подставил. Михаил влез в кредит, чтобы не обанкротиться. Ведь нужно

платить поставщикам, работникам, логистической компании и так далее. А сколько сейчас всяких налогов и отчислений? В общем, возникли большие долги. Михаил приехал в офис, к тому «чинуше» и потребовал...да нет, попросил...оплатить выполненный заказ. Там они поссорились. После этого, на завод стали приезжать все, кому не лень – прокуратура, налоговая, трудовая инспекция. И так денег нет, тут еще штрафами задолбали. А весной нас стали донимать коллекторы.

– Это которые долги выбивают? – уточнил Макарыч.

– Они самые. Вы даже не представляете, что они вытворяли. Твари последние! Простите, у меня нет других слов. Как-то звонят мне и говорят: «А вы в курсе, что ваш сын в реанимации?». Я в шоке, вся трясусь, ничего не понимаю. Сын-то в школе, на занятиях. Может, реально что-то случилось. Набираю Вовке по мобильному, а он так спокойным голосом: «Мам, давай попозже. Я пока в столовой обедаю».

– Вот шакалы...

– Или другой случай. Звонят уже Михаилу: «Вашу жену сейчас насилюют по такому-то адресу». Он несётся туда с другом, барабанит в дверь. Им никто не открывает. Ну берут и высаживают эту дверь. А там – перепуганные пенсионеры. У бабульки чуть ли не инфаркт. Потом приезжает полиция, хватает обоих. Пришлось откупаться, чтобы не завели уголовное дело. Ну и тем старичкам деньги дал немалые.

– А что Михаил не рассказал полиции про этих...как их?

– Коллекторов. Рассказал, да больно там слушают. Никто не стал разбираться. Даже заявление не приняли. Мол, у них таких жалобщиков навалом. Сотни подобных случаев. Все люди сейчас в кредитах. Микрофинансовые конторы на каждом шагу. За должниками охотятся коллекторы. Мы пытались выпутаться. Продали всё, что можно: квартиру, машины, мебель, ювелирку. Переехали к родителям Михаила, в «двушку». Долг всё равно еще оставался очень большим. Планировали и дачу весной продать, но передумали. Михаил хотел, чтобы летом мы жили здесь, на природе. Подальше от всего этого кипиша, коллекторов, нервотрёпки.

– Прав, мужик! Здесь тихо, спокойно... – согласился Макарыч.

– В июне мы решили ехать на дачу, у детей начались каникулы. Собирали вещи, и вдруг Михаил пропал. Оставил мне письмо, где просил за него не волноваться. Естественно, я сразу в полицию. Там «обрадовали» – ваш муж обвиняется в мошенничестве в особо крупном размере и объявлен в федеральный розыск. Еще и коллекторы на меня стали наедать. Я взяла детей и скорей сюда. Эта дача записана на родителей Михаила, поэтому конфисковать её не могут. Да и в самом деле, здесь как-то спокойнее. Вся издергалась уже в городе.

– Ты вот что, Оксана... – Макарыч положил ей руку на плечо. – Если надо, обращайся ко мне за помощью. В любое время, не стесняйся. Я – рядом, зови.

– Спасибо...

Оксана отвернулась к окну и заплакала.

Через три дня Макарыч принялся возить скошенную траву к себе на участок. Там она хорошенько подсохнет, и можно будет сжечь в контейнере. Зола пойдёт на удобрения для огорода.

Оксана с детьми ушла на реку. Денек выдался – благодать! На чистом голубом небосводе весело сияло июльское солнышко.

– Самому бы скупнуться – мечтательно произнёс Макарыч. – Ладно, как управлюсь, сле- таю.

Высыпал очередную тачку у себя во дворе, двинул за новой партией и тут его окликнули:

– Здорово, дед!

К нему навстречу шли двое. Откормленные, мордатые.

– Здорово...

– Здесь у вас проживает гражданка Чувилова?

Макарыч снял фуражку, неспеша вытер пот ладонью.

– А вы сами кто будете?

– Оперативные работники.

– Из милиции что ли?

– Давай так отец: здесь вопросы задаю я! – повысил голос, который постарше, усатый.

– Да вы не бойтесь – успокоил его напарник, лысан в тёмных очках. – Мы просто интересуемся.

– А чё мне бояться? – сплюнул на землю Макарыч. – У меня совесть чиста.

– Так Чувилова здесь проживает?

– Кто ж его знает? Я в гости ни к кому не хожу. Сам по себе. Кто тут живёт – мне и дела нет.

– Понятно... – занервничал усатый. – Сдаётся мне, ты нам мозги ебешь, старый. Не знает он. Вы все здесь «вась-вась». Бухаете вместе каждый день. За дебилов нас держишь? Сейчас проедем в отделение, там ты у нас заговоришь.

И как рявкнул:

– Фамилия?!!

Макарыч глянул усатому прямо в глаза, спросил спокойно:

– Предъявите, удостоверение, пожалуйста.

Напарнички засуетились, будто им ежей в штаны натолкали.

– Ладно, еще заглянем к тебе, дед. Готовься. С вещами.

– Всегда готов! – Макарыч отдал салют, как делал когда-то пионером, только не правой, а левой рукой.

– Сучёныш... – промолвил лысан, удаляясь вслед за напарником, к джипу.

Макарыч бросил тачку, и поспешил на чердак. Там у него «ховалось» ружьишко, отцово наследство. Батя, еще тот охотник был. По осени на кабана ходил.

– Теперь кабаны сами пожаловали – сказал Макарыч, и ласково погладил дубовый приклад. – Встретим как полагается. Уважим...

Почти пятьдесят лет двустолке, а хоть бы что. Легендарная ИЖ-54. Макарыч сам иногда ходил в лес, пострелять. Не на охоту, конечно. Жалко ему было зверьё – так, по банкам шмальнуть разок-другой. Ну еще мародеров пугануть, которые шастали по дачам, зимой.

Макарыч прикинул, что, коллекторы сейчас опрашивают других соседей. И, к примеру, тот же Никитин, донесет, что Оксана на днях приехала сюда из города, еще и дом её покажет. Значит, упыри опять заявятся или будут поджидать где-нибудь. Что они сделают потом? Да эти всё что хочешь сделают. По розам видно, отморозки.

– Расплодились, твари!

Макарыч зарядил ружье, накинул чехол и вышел на улочку. Прибавил ходу, чтобы никто из соседей не окликнул. Затем свернул на широкую дорогу, поглядывая по сторонам. Не видать... Вдруг у заброшенных участков мелькнул знакомый джип.

Макарыч расчехлил ружьё и тихонько подкрался к машине. Коллекторов было уже трое: усатый, лысан и еще какой-то хряк. Стояли себе у забора, покуривали на солнышке.

– Так чё с бабой будем делать? – услышал Макарыч.

– Прессануть её надо, как следует. По-любому, знает, куда деньги муж скрысил.

– Долго ждать придётся до ночи-то. Может, сейчас перехватим?

– Ты чё гонишь?! Свидетелей до хера, спалимся.

– Короче, слушай сюда! Проникаем в дом. Бабу вырубам, и пакуем в машину.

– А с детьми как быть?

– Припугнём, чтоб не орали и закроем в каком-нибудь шкафу.

– Бабу-то куда потом везём? На трассе мусоров немеряно.

– Поглядим, лес тут большой. Мочить не будем, но позабавиться можно. Даже если ментам наступит, кто её послушает? У неё мужик – в розыске. А она тут всю «подмахивает», время не теряет.

Коллекторы заржали, одобрительно похлопывая друг друга по спинам. Макарыч больше не стал медлить, и в самый ржак выскочил перед ними:

– Ну что, мрази, выжидаете?

Те испуганно раскрыли рты, тупо уставились на двустволку.

– Отец, не делай глупостей! – упреждающе поднял руку лысан. – У нас своя тема. Ты ей кто? Родственник? Она бабла нам задолжала.

– Не вмешивался бы ты, дед – присоединился усатый. – Тут такие «расклады» серьезные. Тебя размажут, как муху. Ружьишко-то, поди, не заряжено. Таким только алкашей пугать. Да и зрение уже не то.

– Старик, бросай свою «пукалку»! Поигрался и будет – погано улыбнулся хряк.

– От вас людям жизни никакой нет! – ответил им чохом Макарыч. – Откуда ж вы, тараканы, повылазили? Ведь раньше жили все дружно, одним народом! Таковую страну просрали!

Коллекторы попятились к машине и быстренько нырнули в джип. Когда уже завели мотор, усатый крикнул из окна напоследок:

– Ну что, старый, заказывай себе гроб! И этой сучке, с детьми.

Макарыч направил ствол на бензобак и выстрелил. Раздался взрыв, машину вспыхнула. Коллекторы стали выскакивать друг за другом, сжираемые огнём. Катались по земле, пытаясь сбить пламя. Орали благим матом на всю округу. Макарыч перезарядил ружьё и начал отстреливать их по одному.

– Довели, мрази!

Когда всё закончилось, бросил двустволку на землю и пошёл домой. На дороге уже вывалил перепуганный народ. Дергал его за рубаху:

– Чего там стряслось, дед? Откуда пожар, ты видел? Рвануло будь здоров! Кто-нибудь тушит? Никак стреляли? Кричал кто-то.

– Вызывайте милицию... – отвечал Макарыч. – Приедут, разберутся.

Дошёл до своей улочки, и столкнулся с Оксаной.

– Что случилось? Откуда дым, грохот?

– Говорят, машина какая-то сгорела – пожал плечами Макарыч.

– Люди пострадали? Что-нибудь известно?

– Кажись, зацепило кого-то. В такой день помирать грешно. Погодка нынче, как на заказ. Живи, радуйся! Благодать кругом. А ты и радуйся, дочка...

ПРАЗДНИК

– Премию захотели? Колбаски, шпротиков? А вот хрен вам... Жрите на Новый год перловку!

Так слесарь Жиганов отреагировал на новость, что руководство завода «в целях оптимизации затрат» решило не выдавать коллективу годовую премию. Старый директор-коммунист Бударагин, который тащил механический завод с советских времен, через всю перестройку и «реформы», через все эти «лихие девяностые», всегда выкраивал средства на премию под Новый год. Мужики всегда ждали «тринадцатую», строили планы. Кто жене колечко, кто детям всякие подарки, кто мебель или технику покупал. Да мало ли куда нужны деньги... Ну, само собой, в день премии, обмывали «это дело», как водится. Душевно было – тут тебе и премия, тут тебе и праздник! Расходились по домам уже за полночь, в хорошем таком подпитии. Заваливались в свои квартиры и с порога весело объявляли заспанным женам:

– Дед Мороз пришёл с подарками!

Ну а потом, начиналась долгожданная неделя покупок. То на рынке, то в мебельном, то в гипермаркете заводские устраивали своим женушкам продвинутый шопинг.

Весной этого года Бударагина не стало – было ему уж за семьдесят с гаком. Прихватило прямо в цехе, только Михалыч перекинулся парой слов с мужиками, пошутил по-свойски, а через минуту его шатнуло. Бросились за «скорой», сами пробовали откачать – куда там...

Ну а через неделю, как Михалыча схоронили, на завод приехало городское начальство и представило нового директора – Барина. Сначала тот ходил в «и.о.директора», скромничал, вежливо улыбался, помалкивал, приглядывался. Да вот только улыбался как-то мерзко, позмеинному. Выпученными глазенками деловито осматривал заводское хозяйство, будто корову на базаре торговал.

Уже через два месяца заводские почувствовали на себе все прелести «нового курса». Барин сменил старую команду, из проверенных надежных спецов, на своих людишек – по сути, таких же проходимцев. За дело взялись справно. Начали сокращать и урезать всё, что можно. Отменили дотацию на обед в заводской столовой. Закрыли банный комплекс при заводе. Оставили без копейки местную самодеятельность. Ну и так далее. Даже спецовки новые перестали выдавать. Что спецовки – с обычными рукавицами возникла напряженка.

– Скоро в сортире воду перекроют – язвили работяги. – Оптимизаторы хреновы...

Оптимизаторы тем временем шагали дальше, веселым бодрым шагом, как хозяева жизни. Взялись, наконец, за оплату труда. Ввели некий «кипийай», для стимулирования персонала. Мол, как на Западе. И если раньше, слесарь 5 разряда получал сорок тысяч «на руки», то теперь, по новой системе, на пять-семь тысяч меньше. Глядели мужики в свои расчётки, и понять не могли: с какого перепугу зарплата рухнула вниз. Само собой, ходили в расчётный, где уставшие от озлобленных работяг, офисные дамы усталыми и нервными голосами объясняли все тонкости начисления «по-новому».

И вот тебе – еще подарочек – с «тринадцатой» побрили.

«Эффективных менеджеров» склоняли на все лады. Трехэтажный мат слышался повсюду: в бытовках, раздевалках, столовке...

– Да, чё они, суки, совсем охерели? – разорялся электромонтёр Пряхин. – За такие дела вешать надо...

Вся эта новая политика не на шутку встревожила и ремонтника Бизяева Саню. В свои сорок с гаком он мечтал совсем о другой жизни: спокойной, уверенной, сытой. В «святые девяностые» Саня горбатился на стройках, сначала разнорабочим, потом маленько пообтерся, перешёл в каменщики. Хлебнул всяко. Когда заказчики «кидали», когда мордобой устраивали

всякие там прорабы и другие приказчики. Как-то осенью Саня заработал воспаление легких. Ладно, вовремя хватились. А то бы...

– В общем так, парень... – строго сказал ему доктор. – Со стройкой своей заканчивай. Найди работу в помещении. Чтобы сухо и тепло было, никаких сквозняков. Хватит тебе здоровье гробить. Понял, нет?

– Да чё не понять... – пробурчал Саня.

Пришлось искать что-то новое, «тёплое». Пробовал в охрану – скука смертная. Дёрнул в продавцы-консультанты – и в ту же неделю уволился. Вся эта коммерческая канитель была не про него. Душа требовала настоящего дела, где надо работать руками, а не трепать языком. Листал Саня вечером за бутылочкой пива местную газетенку и в рубрике «Работа» увидел простое незамысловатое объявление «На завод требуются наладчики КИПиА. Обучаем».

– А чё б не в наладчики? – прикинул Саня.

И двинул на завод. Уже через неделю он понял – работа то, что надо. Коллектив принял его дружно. В бригаде, в основном, толковые и простые мужики. Спросишь – подскажут, позовешь – помогут. С первой полочки, Саня «проставился» по-полной, не пожадничал. Вывез бригаду на шашлык. Гудели на базе отдыха до утра.

При директоре Бударагине всем жилось неплохо. И заработки были нормальные, и премии получали. В то славное время Саня женился. Взял «двушку» в ипотеку на 15 лет, обставился. Вскоре в семье родился сын, потом-дочь. С появлением детей, расходы само собой выросли. То одно надо, то другое. Саня вкалывал, как проклятый. Нашёл вторую работу – грузчиком в логистическом центре. Спал по 3-4 часа. Почти все выходные – в цеху. Жена его, Ленка, была баба требовательная. Красивая и требовательная. При ней Саня ходил по-струнке. Завязал с куревом, почти не пил. И много-много работал. Ленка, всё время жаловалась на нехватку денег. Ещё бы – то кухонный гарнитур обновить, то плазменный телевизор ей подавай, с большим экраном. Всё это были «цветочки». Вскоре она потребовала «недорогую иномарочку». И не б/у, а новую, «с нуля».

– Хотя бы Matiz... – подмигнула Ленка. – У меня уже все подруги на иномарках катаются.

В выходной пошли в автосалон, «посмотреть варианты». Саня туда шагал, как на каторгу. По его подсчётам, даже «недорогая иномарочка» могла больно ударить по семейному бюджету. Ленка работала кассиршей в гипермаркете, получала «двадцатку». Вся надежда опять-таки была на Санин карман. Как пришли в автосалон, у Ленки сорвало «крышу». Ещё и консультант попался обходительный, с подходцем, раскручивал простодушных клиентов.

– Зачем вам Matiz? Он давно уже не в тренде. Да и потом – вы такая роскошная дама. Обратите внимание на KIA Picanto...

Саня первым делом глянул на ценник – и охренел. Ленка же запрыгала, как последняя дура и начала нежно гладить «пиканту»:

– Хочу эту, «красненькую»! Моя, моя... Люблю!

– Отличный выбор! Поздравляю! – заискивающе улыбнулся продавец-консультант.

Сане захотелось свистнуть с плеча в холеную морду «торгаша».

– Сука... – еле слышно прошептал Саня.

– Давайте всё оформим! – не переставал лыбиться консультант.

Ленка важная, как королева Британии, пошла оформляться, поманив мужа за собой.

Вот тогда-то Саня и запаниковал. Тут еще на работе начались какие-то непонятки. Пришел новый директор – Баринов. Первый месяц-два, всё было, как и прежде, по-накатанной. Потом стали зажимать всё больше и больше. Каждый раз получая расчётку, Саня матерился. Два кредита, за квартиру и машину, постоянно лезли в голову, мучили. А сколько уходит на «пожрать»? Саня итак экономил, в столовку не ходил, тащил из дома банку с супом. И все равно это не спасало. Плюс всякие другие расходы, помельче: одежда детям, лекарства, ЖКХ, интернет и так далее. Саня завел тетрадку, где каждый день записывал расходы. Сначала этот

«бухучёт» его успокаивал, вроде всё под контролем. Но очень скоро стал раздражать, ведь что получается? Сплошные расходы. Каждый день что-нибудь да надо. Жмёшься, жмёшься, выгадываешь, экономишь – а денег, один хрен, нет. Саня уже забыл, когда последний раз покупал себе джинсы, ходил в заношенных, взятых еще при царе Горохе. Пару раз Ленка отдавала их в ремонт. Латаные, перелатаные... Как-то раз пошли они в гости – к Ленкиной подруге, на день рождения. Народу там прилично собралось, в основном, незнакомые люди. Ну, позвали всех за стол. Начали рассаживаться. Саню с женой посадили на диван. Вот тут-то и получился «анекдот». Только Саня уселся, как джинсы лопнули на самом интересном месте. Всё застолье он промаялся на диване, сидючи, можно сказать, в одних трусах.

– Ты это... сходи в прихожку за моим свитером – шепнул он Ленке на ухо.

– Зачем? Здесь итак жарко... Дышать нечем.

– Да надо, сходи!

– Ладно...

Саня изловчился, накинул свитерок на джинсы, и как бы между делом, пока народ шараялся по квартире – «растрясти жирок» между блюдами – выскочил за дверь, вроде как покурить. А там бегом по лестнице вниз...

Что и говорить, с деньгой было туго. Чем дальше, тем хуже. Новый директор, этот самый Баринов, всем давал и выпить, и закусить. Попала под раздачу и бригада Сани. Троих сократили – чего, мол, на пенсии им еще работать? Живи, мол, на пенсию, ни в чем себе не отказывай. Их работу перекинули на оставшихся, а зарплата медленно, но верно, поползла вниз. Раньше у Сани, со всеми переработками, выходило почти 50000 руб. «чистыми». Этой весной начислили «сороковку», летом – еще меньше (это в сезон-то!). Под 1 сентября, когда Сане надо было собирать пацана в школу, ему посчитали аж... 34000 руб. Саня когда получил «расчётку» сначала не въехал:

– А чё эт ты мне чужую дал? – спросил у мастера, который зашёл в бытовку с расчётками.

– Как, чужую? Гляди, твоя же фамилия-то стоит...

– Моя... А чего вы тут насчитали? С какого перепугу?

– Не знаю, иди в расчётный... – молодой мастер развел руками, дескать, не при делах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.